

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

THE GENOESE GAZARIA
AND THE GOLDEN HORDE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

Том 2

Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова

*Под редакцией
С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова*

Казань — Кишинев

2019

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV,
TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES
HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE GENOESE GAZARIA *and* THE GOLDEN HORDE

Volume 2

In memory of German Fyodorov-Davydov

*Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov*

Kazan — Kishinev

2019

Printed by decision of the Academic Council
of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov,
Tatarstan Academy of Sciences

Edited by:
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Reviewed by:
Doctor of Historical Sciences **Ildus K. Zagidullin**,
Head of the Sector of Modern History,
Institute of History named after Sh. Mardjani,
Tatarstan Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor **Anatoliy R. Kantorovich**,
Head of the Chair of Archaeology,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Doctor of Historical Sciences **Vadim V. Trepavlov**,
Head of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations,
leading research fellow of the Institute for the Russian History,
Russian Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences **Rustam M. Shukurov**,
Associate Professor of the Chair of Medieval History,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Памяти
Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова
(1931—2000)

In memory of
German Fyodorov-Davydov
(1931—2000)

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов (Казань, Россия). Предисловие	15
--	-----------

СИБИРЬ, ЗАБАЙКАЛЬЕ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Н. Г. Артемьева (Владивосток, Россия). Архитектура жилых дворцовых сооружений Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся.	21
---	-----------

Е. И. Гельман (Владивосток, Россия). Очерки истории селадонов	33
--	-----------

О. В. Дьякова (Владивосток, Россия). Позднесредневековые памятники Приморья.	53
---	-----------

А. В. Харинский (Иркутск, Россия), М. П. Рыкун (Томск, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), Н. Н. Крадин (Владивосток, Россия). Монгольский могильник середины XIII — начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты.	69
---	-----------

Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева (Владивосток, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), С. Д. Прокопец (Владивосток, Россия), А. В. Харинский (Иркутск, Россия). Раскопки Хирхиринаского городища в Юго-Восточном Забайкалье	107
---	------------

П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка (Красноярск, Россия). Наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в развитом средневековье	131
--	------------

С. Г. Скобелев, А. В. Выборнов (Новосибирск, Россия). Средний Енисей в монгольское время	145
---	------------

И. Л. Кызласов (Москва, Россия). Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики	157
---	------------

Д. К. Тулуш (Кызыл, Россия). Древнемонгольские города Тувы: обзор современного состояния	179
---	------------

А. А. Тишкин (Барнаул, Россия). Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации	185
--	------------

С. Ф. Татауров (Омск, Россия). Город Тара и его роль в судьбе сибирских татар в XVII веке	199
--	------------

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В. А. Кольченко (<i>Бишкек, Кыргызстан</i>). Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года)	209
А. А. Бисембаев (<i>Актобе, Казахстан</i>). Западный Казахстан в XIII—XIV вв. Историко-географическая ситуация	223
М. Д. Калменов, А. Е. Бижанова (<i>Уральск, Казахстан</i>). Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана .	237
Э. Д. Зиливинская (<i>Москва, Россия</i>). Новые исследования на золотоордынских поселениях Западного Казахстана.	263

СРЕДНЯЯ ВОЛГА

Е. Е. Воробьева (<i>Казань, Россия</i>), М. И. Федулов (<i>Чебоксары, Россия</i>). К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье	289
Д. Ю. Бадеев (<i>Москва, Россия</i>). Усадьбы золотоордынского Болгара. . . .	297
В. Ю. Коваль (<i>Москва, Россия</i>). Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы.	307
К. А. Руденко (<i>Казань, Россия</i>). Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам)	325
С. И. Валиулина (<i>Казань, Россия</i>). Золотоордынский Биляр.	379
Д. А. Сташенков (<i>Самара, Россия</i>). Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды	413
А. М. Гайнутдинов, А. Г. Ситдинов, А. С. Старков (<i>Казань, Россия</i>). Арабиграфичные надписные камни из раскопок Казанского кремля 2000-х гг.	433

НИЖНЯЯ ВОЛГА

Д. А. Кубанкин (<i>Саратов, Россия</i>). Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища	443
Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов (<i>Казань, Россия</i>). Особенности топографии и застройки Багаевского селища	463
Е. М. Пигарёв (<i>Казань, Россия</i>). Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р. Волга)	483
М. В. Цыбин, Н. М. Савицкий (<i>Воронеж, Россия</i>). Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области.	509

З.В. Доде (Ростов-на-Дону, Россия). Ртутный странник: об исследовании одного средневекового погребения	521
И.Ю. Лапшина (Волгоград, Россия). Проблема правления Тинибекса . . .	547

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КРЫМ

Л.В. Яворская (Москва, Россия). Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор	553
В.А. Бабенко (Ставрополь, Россия). Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье . .	569
Ю.В. Зеленский (Краснодар, Россия). Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья	585
Л.М. Носкова (Москва, Россия). Адыгская керамика из археологических памятников XIII—XV веков в фондах Государственного музея Востока . .	589
А.В. Дмитриев (Новороссийск, Россия), Е.И. Нарожный (Армавир, Россия). Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо- Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)	599
А.Н. Масловский (Азов, Россия). Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку . .	641
А.П. Минаев, Н.И. Юдин (Азов, Россия). Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо- Восточного Приазовья	657
Э.Е. Кравченко (Донецк, Украина). Средневековые поселения на территории Донецких степей	669
В.П. Кирилко (Симферополь, Крым). Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э.Д. Зиливинской	691
С.Г. Бочаров (Казань, Россия). Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275—1475 гг.)	741
С.В. Дьячков (Харьков, Украина). Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999—2008 гг.)	771
Л. Бакуменко-Пырнэу, Л. Беженару, С. Рафаилэ-Станк (Яссы, Румыния). Пищевые ресурсы животного происхождения в золотоордынский период на примере Старого Орхей (Республика Молдова)	791
Список сокращений.	804

CONTENTS

S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Foreword	15
---	-----------

SIBERIA, TRANSBAIKALIA AND THE FAR EAST

N. G. Artemieva (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). Architecture of Palatial Residential Premises in the Upper Capital City of the Jurchen State — the Eastern Xia	21
--	-----------

E. I. Gelman (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). Essays on the History of Celadons	33
--	-----------

O. V. Dyakova (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). Late Medieval Archaeological Sites of Primorye	53
--	-----------

A. V. Kharinsky (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>), M. P. Rykun (<i>Tomsk, Russian Federation</i>), E. V. Kovychev (<i>Chita, Russian Federation</i>), N. N. Kradin (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). The Mongol Cemetery of the Mid-13th — Early 15th Centuries Okoshki 1 in the South-Eastern Transbaikalia: constructive and anthropological aspects	69
--	-----------

N. N. Kradin, S. E. Baksheeva (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>), E. V. Kovychev (<i>Chita, Russian Federation</i>), S. D. Prokopets (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>), A. V. Kharinsky (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>). Excavations of Khirkhira Town in South-Eastern Transbaikalia	107
--	------------

P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Arrowheads of the Lower Angara Region Population in the High Middle Ages	131
--	------------

S. G. Skobelev, A. V. Vybornov (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Middle Yenisei Region in the Mongol Time	145
---	------------

I. L. Kyzlasov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Archaeological Signs of State Land Surveying. Methodological Value of the South Siberian Medieval Archaeology	157
---	------------

D. K. Tulush (<i>Kyzyl, Russian Federation</i>). Towns of the Early Mongol Time in Tuva: overview of the current state	179
--	------------

A. A. Tishkin (<i>Barnaul, Russian Federation</i>). Archaeological Sites of Mongol Time in the South of Western Siberia and Altai: research results and interpretation experience	185
---	------------

S. F. Tataurov (<i>Omsk, Russian Federation</i>). The Town of Tara and its Role in the Fate of the Siberian Tatars in the 17th Century	199
---	------------

CENTRAL ASIA

- V.A. Kolchenko** (*Bishkek, Kyrgyzstan*). **Christian Cemetery of Mongol Time at Burana Town: according to archival documents on excavations in 1886.** . . . 209
- A.A. Bissembayev** (*Aktobe, Kazakhstan*). **Western Kazakhstan in 13th—14th Centuries. Historical and Geographical Situation** 223
- M. D. Kalmenov, A. E. Bizhanova** (*Uralsk, Kazakhstan*). **Topography and Chronology of Medieval Settlements in Western Regions of Kazakhstan** . . . 237
- E. D. Zilivinskaya** (*Moscow, Russian Federation*). **New Research in the Golden Horde Settlements of Western Kazakhstan.** 263

MIDDLE VOLGA

- E. E. Vorobeva** (*Kazan, Russian Federation*), **M. I. Fedulov** (*Cheboksary, Russian Federation*). **To the Question about the Russia-Golden Horde Borderlands in Mari-Chuvash Area of the Volga Region** 289
- D. Yu. Badeev** (*Moscow, Russian Federation*). **Homesteads of the Golden Horde Bolgar** 297
- V. Yu. Koval** (*Moscow, Russian Federation*). **Fortification of Bolgar Town in the 14th Century: the current state of the problem** 307
- K. A. Rudenko** (*Kazan, Russian Federation*). **Ethnogeography of the Bulgar Region of the Golden Horde by Archaeological Sources.** 325
- S. I. Valiulina** (*Kazan, Russian Federation*). **The Golden Horde Bilyar** 379
- D. A. Stashenkov** (*Samara, Russian Federation*). **Kuzkino Mordovian Burial Ground of the Late 13th—14th Centuries: toward the history of the population of the right bank of the Samara Volga region in the Golden Horde era** 413
- A. M. Gaynutdinov, A. G. Sitdikov, A. S. Starkov** (*Kazan, Russian Federation*). **Stones with Arabic Inscriptions from the Excavations in Kazan Kremlin in 2000s** 433

LOWER VOLGA

- D. A. Kubankin** (*Saratov, Russian Federation*). **Religious and Ethnic Compositions of the Ukek Population. To the issue of the ethnic-confessional topography of the town.** 443
- L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov** (*Kazan, Russian Federation*). **Characteristics of the Topography and Development of Bagaevka Rural Settlement** 463
- E. M. Pigarev** (*Kazan, Russian Federation*). **The Administrative-Territorial Structure of the Capital Sarai Region (Delta of the Volga River).** 483
- M. V. Tsybin, N. M. Savitskiy** (*Voronezh, Russian Federation*). **The Complex of the Golden Horde Sites near Krasnyi Village, Bobrov District, Voronezh Oblast** 509

Z. V. Dode (<i>Rostov-on-Don, Russian Federation</i>). Mercury Wanderer: a study of a medieval burial	521
I. Yu. Lapshina (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). The Problem of Tinibek's Reign.	547

THE NORTHERN CAUCASUS, NORTH BLACK SEA REGION AND THE CRIMEA

L. V. Yavorskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Concentrations of Animal Bones in the Cities of the Golden Horde: main finds, species, anatomical set . .	553
V.A. Babenko (<i>Stavropol, Russian Federation</i>). Localization of Finds from the Gashun-Usta Stow (Stavropol Governorate, 1890) and the Delimitation of the Golden Horde Possessions in the Central Ciscaucasia	569
Yu. V. Zelenskiy (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Finds of Polovtsian Stone Sculptures as a Source for the Study of Geography of Polovtsian Nomadic Camps in the Kuban Steppe	585
L. M. Noskova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Adygean Pottery from the Archaeological Sites of the 13th—15th Centuries AD from the Collections of the State Museum of Oriental Art	589
A. V. Dmitriev (<i>Novorossiysk, Russian Federation</i>), E. I. Narozhniy (<i>Armavir, Russian Federation</i>). Two Burials of Nomadic Warriors of the 13th—14th Centuries from the North-Eastern Black Sea Region (to the history of the formation of the complex of weapons of the Golden Horde)	599
A. N. Maslovskiy (<i>Azov, Russian Federation</i>). The Topography of Necropolises in the Golden Horde Azak, and their Impact on the Urban Planning	641
A. P. Minaev, N. I. Iudin (<i>Azov, Russian Federation</i>). New Data on the Historical Geography of the Golden Horde Settlements of the Lower Don and the North-Eastern Azov Sea Region	657
E. E. Kravchenko (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Medieval Settlements on the Territory of Donetsk Steppes	669
V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Cult Architecture of the Crimea in the Golden Horde Epoch: E. D. Zilivinskaya's Version	691
S. G. Bocharov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Historical Geography of the Crimean Territories of the Genoese Gazaria (1275—1475)	741
S. V. Dyachkov (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). The Consul's Residence of Genoese Fortress Chembalo of 14th—15th Centuries (by archaeological excavations in 1999—2008)	771
L. Bacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, S. Rafailă-Stanc (<i>Iași, Romania</i>). Animal Food Resources in the Golden Horde Period. Case Study: Old Orhei (Republic of Moldova)	791
Abbreviations	804

**А. В. Дмитриев,
Е. И. Нарожный**

Alexander Dmitriev. Non-public joint-stock company "Heritage of the Kuban"¹.

Дмитриев Александр Васильевич. Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани».

E-mail: al.misxako@yandex.ru

Evgeny Narozhniy. Doctor of Historical Sciences. Non-public joint-stock company "Heritage of the Kuban"².

Нарожный Евгений Иванович. Доктор исторических наук. Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани».

E-mail: zai_ein@mail.ru

Address: ^{1,2} Krasnoarmeiskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation

Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)

Keywords: North-Eastern Black Sea Region, Golden Horde, nomads, military affairs, armament, combat headgear, shields

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, Золотая Орда, номады, военное дело, вооружение, боевые наголовья, щиты

A. V. Dmitriev, E. I. Narozhniy

**Two Burials of Nomadic Warriors of the 13th—14th Centuries from the North-Eastern Black Sea Region
(to the history of the formation of the complex of weapons of the Golden Horde)**

The article introduces two new and previously unpublished burial places for nomadic warriors from the burial mound "Molokanova Shchel" (near the village of Praskoveevka — Gelendzhik, Krasnodar Krai). Both burials of 35—45 year-old men were accompanied by certain sets of weapons — quiver kits, sabers and a spearhead. One of them contained a helmet composed of 4 parts and an ax; the other one contained the remains of a wooden shield with metal parts. Determining the dating of both complexes in the framework of the Golden Horde time, the authors dwell in detail on the attribution of the helmet and the remnants of the shield, linking their appearance in the Northeast Black Sea Coast with the resettlement here of the black hoods from the Southern Russia in 1260s. This raises the question of the need to take into account the contribution of the "pre-Mongol" Eastern European nomads, trapped inside the Golden Horde along with much of their traditional material culture, in modern disputes about the sources of armament of the population of the Golden Horde.

A. В. Дмитриев, Е. И. Нарожный

**Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья
(к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)**

Статья вводит в научный оборот два новых и ранее не публиковавшихся захоронения воинов-кочевников из курганного могильника «Молоканова щель» (окрестности сел. Прасковеевка — г. Геленджик Краснодарского края). Оба погребения мужчин 35—45 лет сопровождалось определенными наборами вооружения, включавшими колчаные наборы, сабли и наконечник копья. В одном из них находился четырехчастный шлем и топор, в другом — остатки деревянного щита с металлическими деталями. Определяя датировку обоих комплексов в рамках золотоордынского времени, авторы подробно останавливаются на атрибуции шлема и остатков щита, связывая их появление в Северо-Восточном Причерноморье с переселением сюда в 1260-е гг. черных клобуков из приграничья Южной Руси. Тем самым ставится вопрос о том, что в современных спорах об источниках вооружения населения Золотой Орды необходимо учитывать и вклад кочевников домонгольской Восточной Европы, оказавшихся внутри Золотой Орды вместе с большей частью своей традиционной материальной культуры.

Вводные замечания

История военного дела и формирования системы традиционного комплекса вооружения разноэтничного населения Золотой Орды — проблема не только давняя, но и современная. Будучи обеспеченной многочисленными исследованиями разнопрофильных специалистов (историки, археологи, искусствоведы и др.), тем не менее, проблема по-прежнему не лишена многих дискуссионных моментов, в связи с чем нуждается в дальнейшем расширении источниковой базы и последующем ее осмыслении. Подобную актуальность, к примеру, продемонстрировала недавняя, весьма интересная и полезная монография В. А. Иванова, предложившего читателям немало важных наблюдений и выводов по данной теме. Исследователь вполне справедливо обращается к работам своих предшественников, прежде всего М. В. Горелика, а также Ю. А. Кулешова (Иванов 2015: 98—100 и сл.). В частности, он обращает внимание на попытку Ю. А. Кулешова определить основные источники поступления в Золотую Орду различных категорий вооружения. Интенсивность таких поступлений Ю. А. Кулешов ставит в прямую связь с активностью или, наоборот, ослаблением центральной власти в Золотой Орде (Кулешов 2010: 73—97). При этом он полагает, что на территории Золотой Орды функционировало всего лишь два (?) собственно золотоордынских центра с развитым производством вооружения — Болгар и Новый Сарай (Кулешов 2010: 86—88). Солидаризируется с ним и В. А. Иванов, особенно в том, что «формирование золотоордынской «паноплии» осуществлялось в основном за счет закупок в других государствах, в частности — «в мамелюкском Египте, итальянских факториях в Крыму», что, якобы, «во многом объясняет и облик археологических источников по золотоордынскому оружию». Вывод завершается совершенно справедливым замечанием о том, что современные характеристики «структуры войска и удельный вес его контингентов вытекают из общеисторической эрудиции авторов, а потому — гипотетичны. Археологический материал также не является аутентичным источником для подобных реконструкций подобного рода. В лучшем случае он дает нам представление о том, как выглядел тот или иной компонент» (Иванов 2015: 100).

Совсем недавно появилась еще одна точка зрения, локализирующая еще один если не производственный центр, то — целый

регион, якобы обеспечивавший оружием не только Золотую Орду, но и другие регионы Восточной Европы. Ее предлагают Л. А. Бобров и А. В. Сальников. Упоминая отдельные «образцы защитного вооружения» золотоордынского времени с территории Северного Кавказа, А. В. Сальников пишет, что они «были изготовлены мастерами Северо-Западного Кавказа (здесь и далее выделено нами — Авт.), а их находки в памятниках кочевников Восточной Европы обусловлены импортом с территории Черкессии» (Сальников 2017: 97). Однако каких-либо аргументов в пользу гипотезы не приводится, но эта тезисно продекларированная «констатация факта» получает дальнейшее развитие в совместной публикации А. В. Сальникова с Л. А. Бобровым. В их совместной статье речь идет уже о том, что «в XIII—XIV вв. *продукция местных мастеров* (с территории Северо-Западного Кавказа — Авт.) была хорошо известна и популярна среди оседлых и кочевых народов Восточной Европы. Более того, отдельные образцы северокавказского вооружения вывозились далеко за пределы региона, в т. ч. в отдаленные районы Западной и Южной Сибири, Мавераннахра, Восточного Дашт-и-Кипчака. Наряду с клинковым и длиннодревковым оружием, *предметом черкесского экспорта являлись шлемы, панцири, щиты и дополнительные защитные детали*. Доспехи северокавказского производства отличались высоким качеством исполнения и впечатляющими боевыми характеристиками. Кроме того, местные оружейники экспериментировали с новыми видами корпусной брони, конструкцией шлемов и щитовых усилителей. Так, в частности, с территории Прикубанья происходит один из самых ранних образцов знаменитого кольчато-пластинчатого доспеха, получившего в XV—XVIII вв. широчайшее распространение среди воинов мусульманского Востока. Не исключено, что именно *адыги являлись изобретателями шлемов, составленных из четырех* (реже — из двух) *пластин, соединенных между собой сваркой*, которые стали особо популярны среди воинов Восточной Европы и Северного Кавказа в золотоордынский период. Кроме того, вероятно, именно *мастера Северо-Западного Кавказа адаптировали западноевропейские щитовые усилители из металла для круглых ручных щитов* азиатского образца, которые затем стремительно распространились по многим районам империи Чингизидов и т. д.» (Bobrov, Salnikov 2017: 727—728). Подобная картина впечатляющих успехов «мощных» производственных центров Северо-Западного Кавказа,

тем не менее, не убеждает. Подобная необъективность связана, прежде всего, с отсутствием конкретных доказательств в пользу продекларированных выводов; в других случаях авторы, без должной критической проверки наблюдений своих предшественников, принимают их на веру. Не учитывают они и того, что те или иные разновидности предметов вооружения, связываемые ими с местным («адыгским») производством, эпизодичны, например, в местных погребальных комплексах и пр. На этом фоне лишь новые археологические материалы вполне могут способствовать не только ликвидации дискуссионных оценок, но и более интенсивному движению вперед, в т. ч. и в изучении отмеченных выше научных проблем.

В настоящее время в научной литературе имеются сведения о нескольких тысячах раскопанных кочевнических захоронениях на огромной территории Евразии, с разной степенью информативности и полноты введения в научный оборот на страницах не только отдельных статей, но и монографий. Таких кочевнических комплексов золотоордынского времени ныне исследовано не менее 2—3 тысяч, что вполне сопоставимо с численностью кочевников, составлявших бы 2—3 «тумена». Однако их неравномерный географический разброс по территории Евразии, разная степень информативности и пр., не позволяют использовать эти материалы в качестве единого обобщающего «среза», в том числе для изучения военного дела, по многим причинам. В числе затруднений, на что в литературе уже указывалось, присутствует и довольно широкая, суммарная датировка многих комплексов в пределах временного диапозона, обозначаемого как «XII—XIV вв.» (Нарожный 2005: 71—100; Дружина и др. 2011: 12—13). На этом фоне масштабных обобщений и характеристик, причем не только по истории вооружения, не предвидится, поскольку датировка отдельных погребений или их групп в рамках «XII—XIV вв.» требует, как минимум, первоначального их разделения на более узкие хронологические периоды, в которых погребения XII в. должны иллюстрировать особенности погребальных обрядов домонгольского времени, демонстрируя их отличие или, наоборот, сходство с захоронениями рубежа XII — XIII вв., а также раннеордынского (XIII в.) и золотоордынского (XIII—XIV вв.) времени и т. д., что удастся далеко не всегда. Невозможность более узкого датирования таких погребений усугубляется и тем, что среди них есть значительная доля невоинских (женских, детских) захоро-

нений. Впрочем, среди них есть и часть мужских погребений, но без каких-либо предметов воинского и всаднического снаряжения. То же самое относится и к мужским захоронениям с явно «символическими» наборами предметов погребального инвентаря, в своем составе содержащего, например, лишь одно колечко от кольчуги или бармицы; 1 или 2 наконечника стрелы вместо полного колчанного набора, удила и стремена, вероятно, «заменившие» семиотику полной туши полностью снаряженного коня и пр. В результате интересующие нас возможности открывает лишь «выборочная» подборка интересующих нас материалов. Надо отметить, что В. А. Иванов постоянно наращивает исходную источниковую базу (Иванов 1990 и ср.: Иванов 2015) для статистической обработки кочевнических захоронений. Ныне, помимо Поволжья и Приуралья, он опирается также на материалы Северного Кавказа. Используя более 300 погребальных кочевнических комплексов, В. А. Иванов указывает на небольшое количество собственно «воинских» погребений в выборке, хотя и этот материал, несомненно, заслуживает самого пристального внимания. Возможности преодоления широкой датировки кочевнических погребальных комплексов в рамках «XII—XIII вв.», скорее всего, будут реализованы. Вероятно, со временем изменятся представления об основных источниках распространения вооружения и основных оружейных производственных центрах в Золотой Орде. Изменения коснутся, прежде всего, тех из них, которые возникали и находились на пути традиционных маршрутов кочевания «орды» и «ставок» золотоордынских ханов. Если учитывать уровень развития кузнечного дела в разных уголках средневековой Руси (Завьялов, Розанов, Терехова 2007) и, в особенности, тех ее регионов, которые находились в тесном взаимодействии с Золотой Ордой, нельзя исключать и возможности разнообразных влияний, а также непосредственных «поставок» оттуда. Помимо этого, необходимо учитывать и следующие факторы:

Во-первых, значительная, если не преобладающая часть основных категорий вооружения монголо-татар на территории Восточной Европы — это прямые привнесения из Центральной Азии. В свое время основные типы, например, «монголо-татарских» наконечников стрел были выявлены на основе раскопанных материалов, происходивших с территории ряда средневековых русских городищ и укреплений (Медведев 1966: 55—60; Сытый, Скороход 2014: 62—71). Правда, сегодня подобную уверенность разделяют дале-

ко не все: как полагают некоторые современные авторы (Kaminska 2013: 29—37; Черненко 2016: 83—98), следы пожарищ и разрушений на городищах, а следовательно, и различные предметы вооружения оттуда, не всегда связаны только с монголо-татарскими штурмами (Kaminska 2013: 29—37; Черненко 2016: 83—98). Однако среди ныне хорошо известных привнесений центральноазиатского происхождения улавливаются и отдельные типы предметов вооружения, еще в Центральной Азии заимствованные монголо-татарами у своих соседей. Есть веские основания часть подобных заимствований выводить из вооружения, например, киданей (Басов, Нарожный, Тихонов 2003: 105—111), или же, на что уже указывалось, дальневосточных чжурчженей (Нарожный 2003: 293, рис. 7: 4; 294; 2007: 60—64; 2017: 209 и др.). Подтверждают это находки чжурчженских наконечников копий с боковым крюком, как известно, широко бытовавших на территориях традиционного обитания дальневосточных чжурчженей (Деревянко 1987: 96, рис. 13: 1—3). Судя по свидетельству Плано Карпини, различные варианты этого типа наконечников копий по Восточной Европе, вероятнее всего, разнесли сами монголы, либо кто-то из их ближайших союзников, участвовавших в завоевательных кампаниях на разных направлениях «европейского фронта». Подтверждением тому является его информация о том, что: «у некоторых из них (монголов — *Е.Н.*) есть копьа, и на шейке железа копьа они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла» (Путешествия 1957: 31).

Во-вторых, еще в 2003 г., публикуя коллекцию булав, шестоперов¹ и кистеней из высокогорной Ингушетии, появившуюся в результате масштабных охранно-спасательных археологических исследований, мы констатировали следующее: интересующие нас образцы ударного вооружения широко использовались не только монголо-татарами, о чем, к примеру, сообщал Марко Поло, описывая одно из сражений. Использование разнотипных предметов ударного вооружения (он на-

зывал их «палицами») Марко Поло описывает так: сразу после того, как сражавшиеся «израсходовали все стрелы» из своих колчанов, они «схватились за мечи и палицы, бегут друг на друга и раздают удары сильные...» (Книга... 1956: 232). Таким образом, Марко Поло подтверждает наличие ударных «палиц», которые могли, вероятно, являться одним из таких же центральноазиатских привнесений монголов, сопровождавших их еще с территории Центральной Азии (Нарожный, Чахкиев 2003: 135). Некоторые из опубликованных тогда же наверхий булав, шестоперов и кистеней имели, возможно, другой генезис. Так, некоторые из них, например, кистени, демонстрируют возможность их довольно длительного бытования в неизменном виде, но и предполагают возможность их эволюционного развития в границах Золотой Орды. Вполне возможно, что сохранялись они без особых видо-типологических изменений и на основе прообразов, известных у тюркоязычного населения Северного Кавказа еще с хазарского времени (Нарожный, Чахкиев 2003: 134—135).

Еще одна часть предметов ударного вооружения аналогична образцам русского происхождения, на что также уже обращалось внимание, и это совсем не исключает возможности подобных заимствований, пришедших в Золотую Орду (а через нее — глубоко в горы Восточного Придариья) из системы вооружения средневековой Руси. Либо же они могли являться результатом ремесленной деятельности русских оружейников, перемещенных в золотоордынские городские центры (Нарожный, Чахкиев 2003: 136). Известны также образцы ударного вооружения, которые можно рассматривать как дериваты, своим происхождением связанные с хулагуидским Ираном; оттуда они попадали на территорию высокогорья и в северокавказские владения Золотой Орды самыми различными путями. Известны данные письменных источников, называющих такие же предметы в числе подарков египетского султана, преподнесенных хану Золотой Орды (Нарожный, Чахкиев 2003: 136—140). Возможность увязки части предметов вооружения с такими подарками ныне разделяют и другие авторы (Кулешов, Абызова 2011: 92—100; Иванов 2017: 100). Немало подобных «заимствований» в вооружении Золотой Орды оказалось воспринятым из системы вооружения кочевого и оседлого населения Восточной Европы, включенных в систему политико-экономического диктата золотоордынского государства. Именно этот аспект пробле-

¹ Сегодня сведения о находках предметов ударного вооружения с территории Северного Кавказа увеличились, хотя и незначительно (Дружинина, Чхаидзе 2014: 73—84; Мамаев 2016: 229—230; 2017: 53—59). Еще один предмет, «напоминающий навершие булавы», упоминает С.Н. Савенко — он происходит из погребения «с железным крестом» в горной Ингушетии (Савенко 2016: 106, 116, рис. 7: 3). Однако это бронзовое полое навершие — не от булавы, а, возможно, от посоха или иного предмета, не связанного с военным делом.

мы сегодня представляется слабо изученным. В этой связи, в предлагаемой ниже публикации в научный оборот вводятся два новых кочевнических захоронения из курганного могильника «Молоканова щель», находившегося в окрестности сел. Прасковеевская, входящего в границы г. Геленджика (Северо-Восточное Причерноморье) (рис. 1).

Описание публикуемых погребений

Курганный могильник «Молоканова щель» (далее — МЩ) находился на правом берегу р. Азмашах, впадающей в Черное море. Необходимость его изучения была обусловлена потребностью возведения ограды вокруг строившегося крупного пансионата. По самому оптимальному варианту проекта, ограда была запланирована на переломе речной террасы и крутого склона долины реки, выходя на средоточие части курганного могильника. Охранно-спасательные археологические исследования проводились на протяжении трех полевых сезонов (Дмитриев, Нарожный, Соков 2008: 13—21)². Полученный археологический материал не опубликован. В научный оборот вводятся два погребения, входивших в курганную группу «Молоканова щель-4»: погребение №3 кургана №7 (далее — МЩ-4, 7/3) и погребение №1 кургана №14 (далее — МЩ-4, 14/1).

Погребение МЩ-4, 7/3

Погребение было выявлено к западу от центра кургана по аккуратной гряде необработанных камней приблизительно одинаковых размеров. Камни уложены на одном горизонтальном уровне, вытянуто по линии

Рис. 1. Местонахождение курганного могильника «Молоканова щель» (отмечено цифрой 1).

Fig. 1. Location of the burial cemetery "Molokanova Shchel" (is marked by number 1).

восток-запад. Длина гряды 2 м, располагалась она ровно по средней части длинной оси погребения, над ним. Границы грунтовой ямы захоронения не фиксировались. Под камнями, на глубине 0,65 м ниже них, были обнаружены кости скелета. Захоронение зачищено на площади 1,25×2,6 м. Скелет взрослого мужчины (35—40 лет) удовлетворительной сохранности, в полном анатомическом порядке. Череп раздавлен. Погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 2). Правая рука полусогнута в локтевом суставе, кистью на лобке, левая вытянута вдоль туловища, кистью у бедра, ноги прямо, правая ступня повернута в сторону (рис. 2).

Сопровождающий захоронение инвентарь представлен набором разнотипных предметов.

1. Длинная железная сабля плохой сохранности (рис. 2: 1; 4: 1), находившаяся вдоль левой стороны погребенного, рукоятью к ногам, острием в сторону плеча (рис. 2: 1). Перекрестье сабли напускное, в виде прямой и утолщенной горизонтальной пластины (?).

2. У правого бедра скелета находился железный черешковый нож с прямой (горизон-

² Держатели Открытого листа — А. В. и Т. В. Дмитриевы. Е. И. Нарожный на протяжении одного из полевых сезонов работал в качестве начальника отдельного отряда Центра археологических исследований АГПА; в составе этой экспедиции. П. В. Соков — начальник еще одного отряда в составе той же самой экспедиции, исследовал участок поселения раннего железного века и каменные конструкции эпохи бронзы, подстилавшие один из участков курганного могильника «Молоканова щель». Материалы раскопок пока не введены в научный оборот. Могильник связывается со смешанным населением, в составе которого доминирующую роль играли тюркоязычные кочевники (погребения в грунтовых ямах с сопровождающим их конем), активно смешивавшиеся с носителями обряда кремаций в керамических урнах и с местным населением, использовавшим ингумации в каменных ящиках. Могильник датирован XIII—XIV вв.

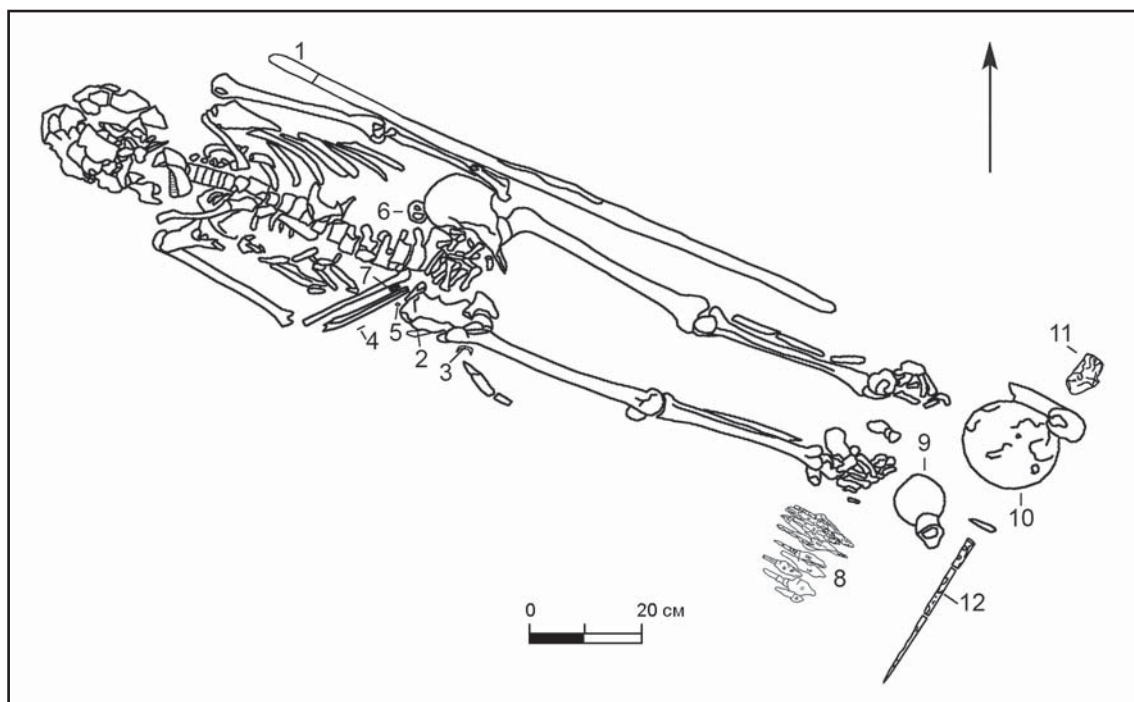

Рис. 2. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7. План погребения №3. Цифрами обозначены: 1 — сабля; 2 — нож; 3 — кресало; 4 — игла; 5 — кольцо; 6, 7 — пряжки; 8 — набор наконечников стрел; 9 — кувшин; 10 — шлем; 11 — топор; 12 — наконечник копья.

Fig. 2. Kurgan burial ground "Molokanova Shchel", group 4, burial mound 7. Plan of burial no. 3. Numbers indicated: 1 — saber; 2 — knife; 3 — firestone; 4 — needle; 5 — ring; 6, 7 — buckles; 8 — arrowhead set; 9 — jug; 10 — helmet; 11 — axe; 12 — spearhead.

тальной) спинкой; длина черешка 3 см, лезвия — 15 см. Нож удовлетворительной сохранности (рис. 4: 7).

3. На небольшом удалении от ножа (рис. 2: 3) находилось железное кресало (рис. 4: 4).

4. Железная игла (?) (рис. 2: 4) — тонкий проволоочный стержень с заостренным с одной стороны стержнем. С противоположной стороны край стержня расплюсчен, с частично сохранившимся сквозным отверстием. С этой стороны конец предмета обломан. Длина около 13 см, диаметр стержня в центральной части 0,15 см (предмет распался).

5. Там же, у правого бедра, отмечено железное кольцо (рис. 2: 5) диаметром 3 см, толщина корпуса 0,2 см (распалось при снятии с грунта).

6. Железная пряжка подтреугольной формы с язычком (рис. 4: 5) находилась в области пояса (рис. 2: 6).

7. В области пояса, справа (рис. 2: 7) лежала железная пряжка округлой формы с подвижным язычком (рис. 4: 6).

8. Справа от правой ступни находился спекшийся колчаный набор железных наконечников стрел (рис. 2: 8; 4: 2, 3). Наконечников всего — 12 экз., 10 из них с уплощенным пером, 2 — трехлопастные (рис. 4: 3 ж, л). 11 на-

конечников стрел были уложены остриями к юго-востоку, один — в противоположном направлении.

9. У правой ступни погребенного находился красноглиняный кувшин со сливом влево (рис. 2: 9; 3: 1).

10. У левой ступни находился железный шлем (рис. 2: 10), склепанный из 4-х пластин. Высота шлема — 21 см, диаметр нижней его части — 24 см (рис. 3: 2; 6: 5).

11. Рядом со шлемом находился железный топор, лезвием углубленный в материк (рис. 2: 11; 5: 2). Деревянный тлен, плохо заметный на материке — вероятно, от рукояти, вытянут в сторону головы погребенного и прослеживается в длину на 15—19 см.

12. Рядом с кувшином находился сильно коррозированный железный штырь, после очистки от ржавчины оказавшийся наконечником копья с узким пером подквадратной формы в сечении (рис. 2: 12; 5: 1). Сохранившаяся длина — 28 см, ширина граней — 1,2×1,2 см, диаметр втулки — 2,1 см. Под шлемом, вплоть до втулки наконечника копья, прослежена еще одна, плохо сохранившаяся полоска деревянного тлена, вероятно — от предварительно обломанного древка наконечника копья.

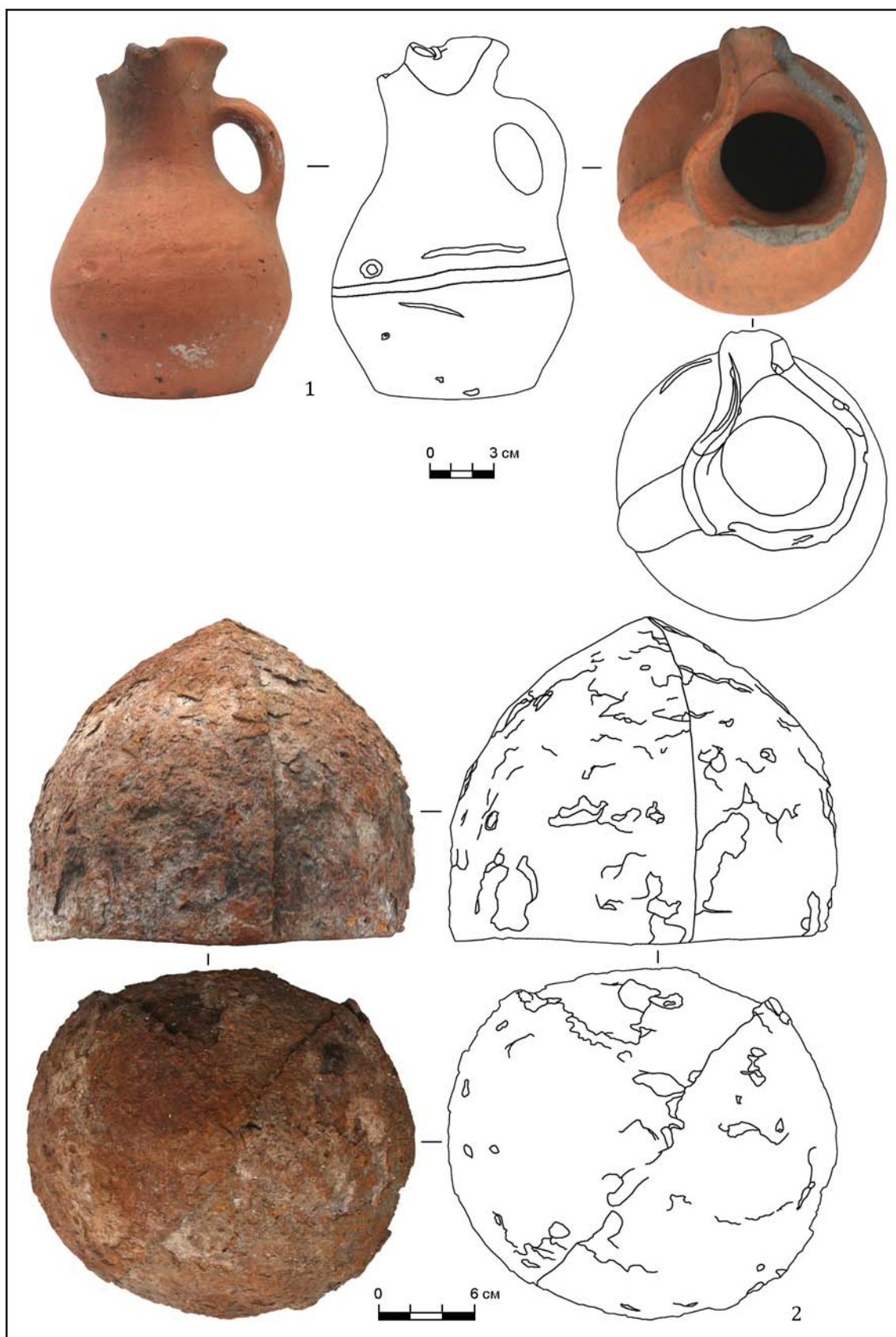

Рис. 3. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7, погребение №3. Инвентарь погребения: 1 — керамический сосуд; 2 — железный шлем.

Fig. 3. Mound burial ground "Molokanova Shchel", group 4, mound 7, burial No. 3. Inventory of burial: 1 — ceramic vessel; 2 — iron helmet.

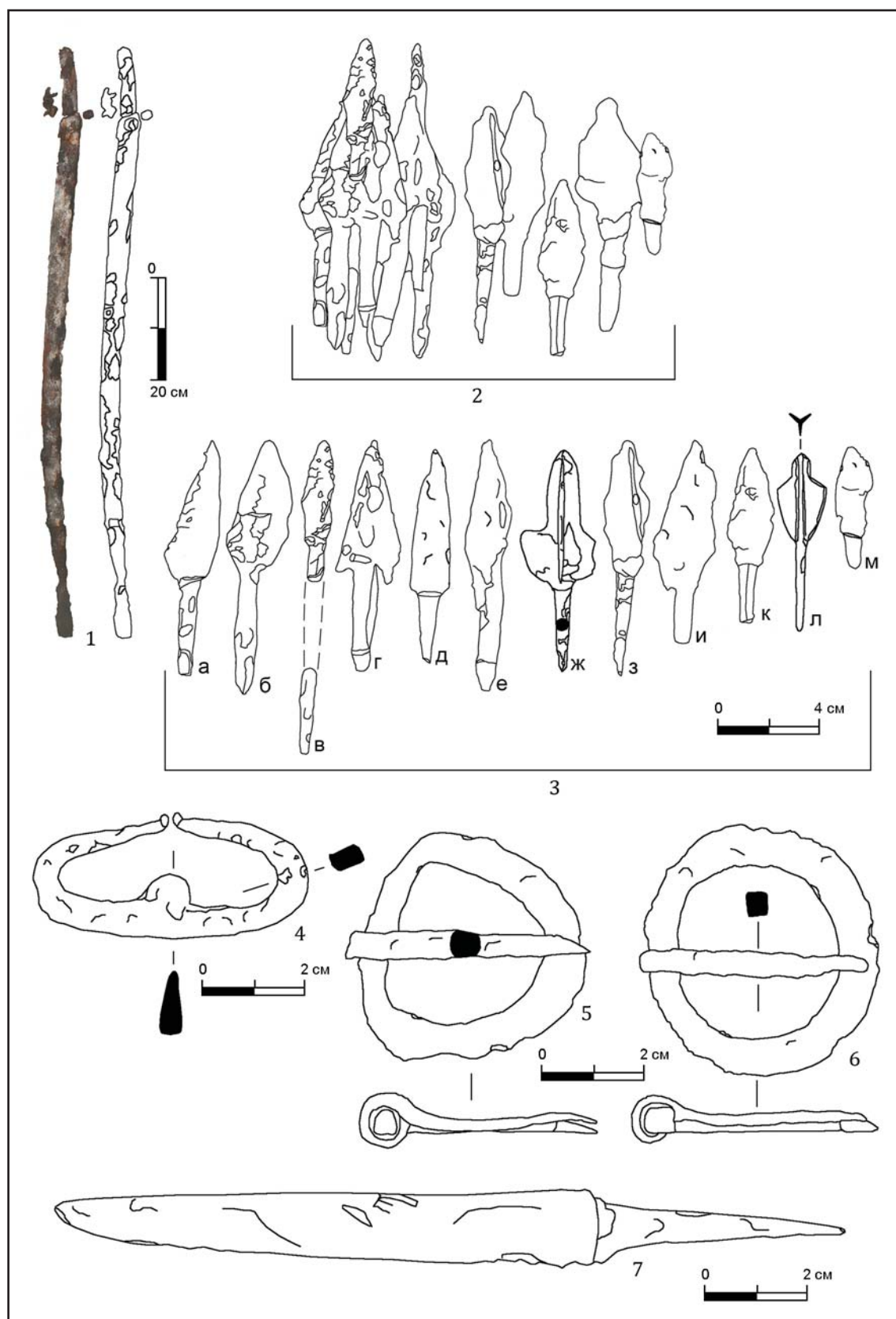

Рис. 4. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7, погребение №3. Инвентарь погребения: 1 — сабля; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — кресало; 5, 6 — пряжки; 7 — нож (1—7 — железо).

Fig. 4. Kurgan burial ground "Molokanova Shchel", group 4, burial mound 7, burial No. 3. Inventory of burial: 1 — saber; 2, 3 — arrowheads; 4 — clasp; 5, 6 — buckles; 7 — knife (1—7 — iron).

Рис. 5. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7, погребение № 3. Инвентарь погребения: 1 — железный наконечник копья; 2 — железный топор.

Fig. 5. Barrow cemetery "Molokanova Shchel", group 4, mound 7, burial No. 3. Inventory of burial: 1 — iron spearhead; 2 — iron axe.

Погребение Мц-4, 14/1

Курган №14 находился в 65 м к северу от берега моря, прямо у планировавшейся строителями ограды пансионата. На кургане произрастало 9 деревьев. Диаметр насыпи — 7,3 м по линии восток-запад и 6,2 м по линии север-юг; высота кургана с се-

ра — 87 см, с юга — 87 см, с запада — 35 см, с востока — 163 см.

При ручной выборке грунта по краю кургана выявлена обкладка из крупных плоских камней, уложенных горизонтально (рис. 7: 1), овальной формы в плане, размером 5,6×6,2 м, вытянута с востока на запад. Со стороны склона обкладка из камня выло-

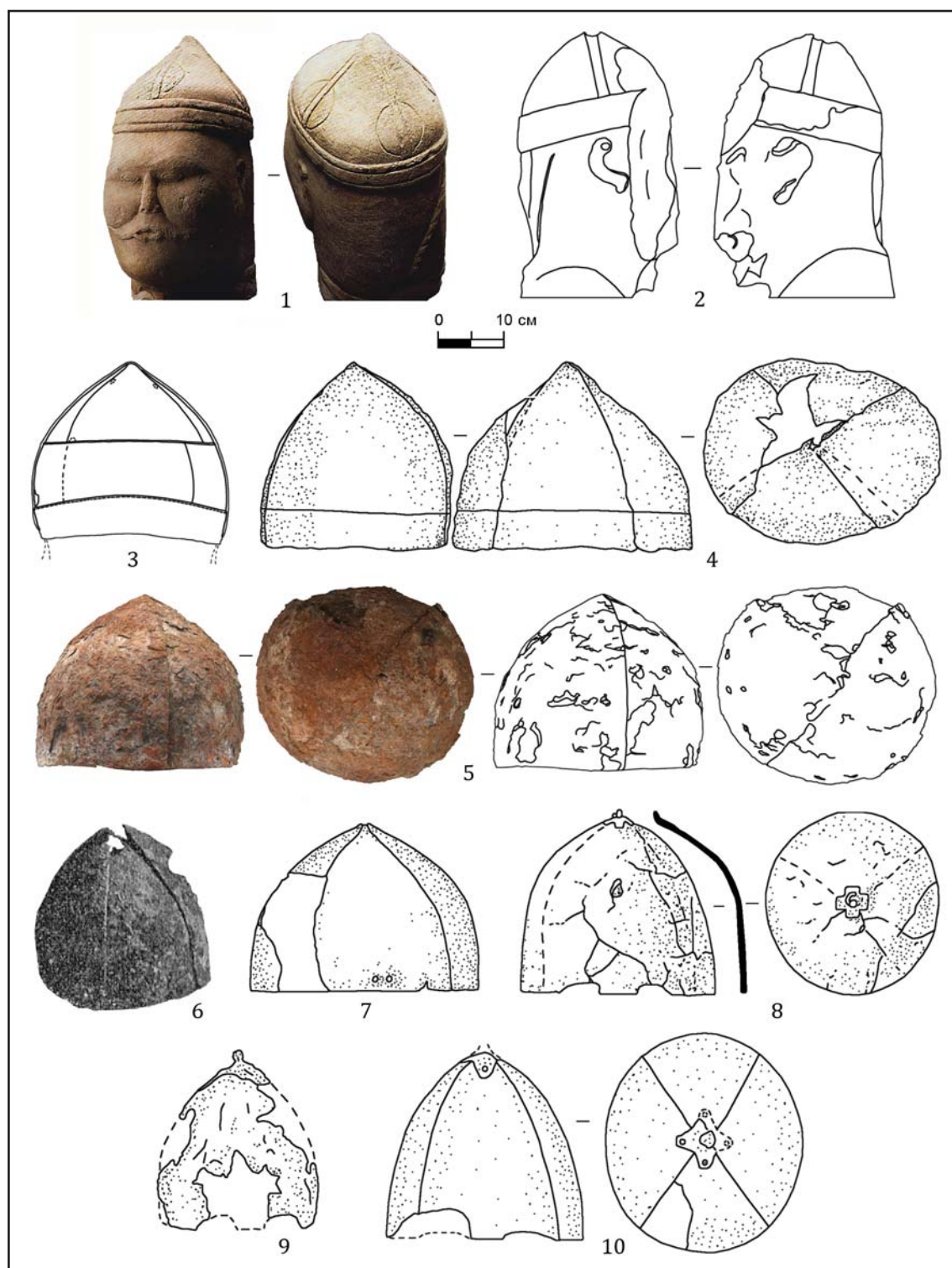

Рис. 6. Образцы четырехчастных шлемов: 1 — шлем на голове статуи половецкого воина из станицы Раздольная Краснодарского края (по Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 44—45, рис. 29; 30); 2 — шлем на голове статуи половецкого изваяния №3 (музей станицы Белая Глина в Краснодарском крае) (по Нарожный, Соков 2015: 123, рис. 12: а, б); 3 — шлем из-под г. Анапа (Краснодарский край) (прорисовка по Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 10—20 и сл.); 4 — шлем из погребения №1 кургана 2 могильника «Джубга-1» под г. Сочи (Краснодарский край) (по Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5); 5 — шлем из погребения 3 кургана 7 группы 4 могильника «Молоканова щель»; 6 — шлем из-под г. Геленджика (по Саханев 1914: 196, рис. 50: 13); 7 — шлем из пос. Головинка Краснодарского края (по Ильюков 2010: 16, рис. 1: 1); 8 — шлем из подкурганного погребения у станицы Пролетарской Краснодарского края) (по Зеленский 1997: 90); 9 — шлем из кочевнического захоронения в Восточном Приазовье (по Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 32, рис. 7: 1); 10 — шлем из кочевнического погребения на Дону (по Парусимов 2007: 322, рис. 4: 4).

Fig. 6. Samples of four-part helmets: 1 — helmet on the head of the statue of the Polovtsian warrior from the village of Razdolnaya of the Krasnodar Krai (after Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 44—45, рис. 29; 30); 2 — helmet on the head of the statue of the Polovtsian statue no. 3 (museum of the Belaya Glina village in the Krasnodar Krai) (after Нарожный, Соков 2015: 123, рис. 12: a, b); 3 — helmet from near Anapa (Krasnodar Krai) (drawing after Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 10—20 and later); 4 — helmet from burial no. 1 of burial mound 2 of the Dzhubga-1 burial ground near Sochi (Krasnodar Krai) (after Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5); 5 — helmet from the burial no. 3, mound 7 of group 4 of the burial mound "Molokanova Shchel"; 6 — helmet from near Gelendzhik (after Саханев 1914: 196, рис. 50: 13); 7 — helm of the village Golovinka of the Krasnodar Krai (after Ильиных 2010: 16, рис. 1: 1); 8 — helmet from the podkurgannogo burial near the village of Proletarskaya Krasnodar Krai (after Зеленский 1997: 90); 9 — helmet from the nomadic burial in the Eastern Priazovye (after Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 32, рис. 7: 1); 10 — helm from the nomadic burial on the Don (after Парусимов 2007: 322, рис. 4: 4).

жена в 2—3 ряда камней, частично сползших вниз (рис. 7: 1).

С восточной стороны, во внутреннем интерьере обкладки выявлена другая обкладка П-образной формы из камней, выложенных вдоль верхней части грунтовой ямы; обкладка частично повреждена (рис. 7: 2). Длина ее сохранившейся части около 2 м, расстояние между рядами 1,7 м. Ниже уровня этих камней на 0,5 м обнаружено погребение взрослого мужчины (35—45 лет).

Погребение 1 (рис. 7: 1, 2; 8) совершено в грунтовой яме, в ее верхней части выходившей за контур, обозначенный камнями, более чем наполовину. Яма прямоугольной формы размером 3×1,5 м, вытянута с запада на восток. Скелет лежал посередине ямы. Ориентировка головой на запад. Скелет хорошей сохранности, в полном анатомическом порядке. Череп раздавлен землёй. Погребённый лежал вытянуто на спине, череп на основании прямо, правая рука вытянута вдоль туловища, кисть у бедренной кости. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе, кисть лежит на локте. Ноги вытянуты прямо, ступни развёрнуты в стороны. Погребение сопровождал выразительный инвентарь.

1. Поверх грудной клетки, от подбородка до бедер лежали остатки деревянного щита с железными деталями от него. Остатки щита овальной формы, размером 65×53 см (рис. 8: 2—7; 12: 1, 2). Вдоль внешнего периметра остатков щита, а также в центральной его части прослежены металлические оковки края, образующие овальный контур. В центральной части остатков щита — круглый умбон с крестообразно расположенными накладками поверх него. Умбон оконтурен еще одним «кольцом» из металлических обкладок, диаметром 33 см. С внутренней стороны щита выступали кольца, соединённые с накладками посредством железных заклёпок. Накладки щита имели отверстия, в которые вставлялись заклёпки, скреплявшие накладки с деревянной основой щита. Сохранность металлических деталей плохая, но позволяющая реконструировать форму щита и его специфические особенности (рис. 12).

2. Слева от скелета, рукоятью у голеностопного сустава и остриём у середины предплечья (под костью), лежала сабля, лезвием наружу (рис. 8). Сабля имела массивное и асимметричное перекрестие и металлические детали ножен (рис. 9: 1, 2).

3. В 15 см к востоку от левой ступни скелета (рис. 8; 9) находился высокий глиняный кувшин с ложновитой ручкой. Кувшин декорирован четырьмя сосцевидными выступами-налепами на тулове (рис. 8; 9; 10: 1).

4. К юго-востоку от кувшина находились обломки стеклянного стакана с рельефными выступами на тулове (рис. 8; 8; 11: 15).

5. От кувшина к ногам лежал сильно спекшийся набор из 4-х железных черешковых наконечников стрел (рис. 8: 14; 10: 2—6).

6. У головок бедренных костей симметрично лежали два бронзовых кольца (рис. 8: 10, 13; 10: 11, 12).

7. Между кольцами, на костях таза найдены две железные пряжки (?) небольших размеров, подквадратной формы с выступами наружу, без «язычков» (рис. 11: 7, 8).

8. У правого тазобедренного сустава лежали железное кресало (рис. 8: 13; 11: 13).

9. Рядом с кресалом (рис. 8: 15) находился фрагмент ножа (рис. 9: 5), впоследствии распавшийся. Сохранившаяся часть окончания лезвия (рис. 9: 5) утоплена в металлический «футляр», завершавший ножны (рис. 9: 4).

10. После снятия скелета, в районе подбородка погребенного обнаружена мелкая бронзовая пуговица (рис. 11: 14).

Характеристика погребального инвентаря и его датировка

Предметы повседневного быта

Детали одежды. Погребальный инвентарь этой категории, сопровождавший оба публикуемых захоронения, выразителен. Мелкая литая пуговица с корпусом конической формы (рис. 11: 14), происходящая из погребения Мщ-4, 14/1, имеет многочисленные аналогии на территории Северного Кавказа

Рис. 7. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14, погребение № 1. 1 — общий вид кургана и погребения после снятия насыпи (вид с севера); 2 — погребение № 1 (вид с севера).

Fig. 7. The burial ground of the "Molokanova Shchel", kurgan group 4, burial mound no. 14, burial no. 1. 1 — general view of the mound and burial after the removal of the mound (view from the north); 2 — burial no. 1 (view from the north).

(от Азово-Причерноморья до Каспия), а также в Крыму, где они датируются, как правило, золотоордынским временем (обзор находок см.: Дружинина и др. 2011: 123, 125—126, рис. 51: 1; 52: 1; Нарожный, Соков

2014: 153—154, рис. 8: 1—5; 9: 8—10; 2015б: 180, рис. 2: 3). Пуговицы с коническим туловом, но с иной формой петли, были в подкурганых погребальных комплексах Северо-Восточного Причерноморья, в свое время ис-

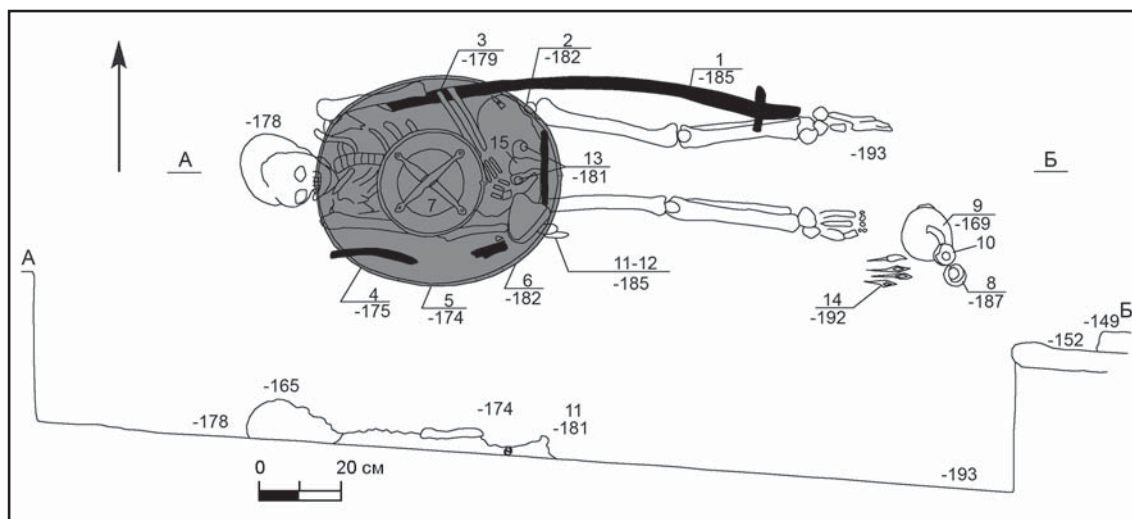

Рис. 8. Могильник «Молоканова щель», курганный группа 4, курган № 14. План погребения № 1. Цифрами обозначены: 1 — сабля; 2—7 — щит; 8 — стакан; 9 — кувшин; 10 — кольца; 11—12 — пряжки; 13 — кресало; 14 — наконечники стрел; 15 — нож.

Fig. 8. Imperial Eagle "Molokanova Shchel", burial group 4, barrow № 14. Plan of burial no. 1. Numbers indicated: 1 — saber; 2—7 — shield; 8 — glass; 9 — jug; 10 — rings; 11—12 — buckles; 13 — clasped; 14 — arrowheads; 15 — knife.

следованных В.В. Саханевым (Саханев 1914: 197, рис. 51: 5). По известным аналогиям, публикуемые образцы пуговиц вполне укладываются в рамки XIII—XIV вв.

Железные ременные пряжки (рис. 4: 6, 7; 11: 9—11), вполне типичны для погребений из других курганов могильника «Молоканова щель».

Ножи. Публикуемым образцам из обоих захоронений известны многочисленные аналогии из захоронений, например, Цемдолинского могильника близ Новороссийска. Е.А. Армарчук и А.А. Малышев выделили там два их типа — ножи с горбатой и прямой спинками (Армарчук, Малышев 1997: 108). В погребении Мщ-4, 7/3 находился черешковый нож с прямой спинкой, длиной 15 см (рис. 4: 7). Лезвие треугольной формы в сечении. Черешок слегка отогнут в сторону лезвия, подпрямоугольной формы в сечении. Аналогии хорошо известны, например, в материалах того же Цемдолинского могильника (Армарчук, Дмитриев 2014: 123, рис. 34: 10, 19) и др.

По всей вероятности, нож из погребения Мщ-4, 14/1, представленный лишь фрагментом (рис. 9: 5), однотипен предыдущему. Особенностью этого ножа, вероятно, изначально имевшего более крупные размеры, чем нож из погребения Мщ-4, 7/3, поскольку фрагмент лезвия ножа сопровождался металлическим наконечником (обоймой) от деревянных (?) несохранившихся ножен. Наконечник ножен (рис. 9: 4) массивный, его

высота — 4,5 см. Ширина верхней части — 2,4 см, нижней — 2,2 мм, в сечении наконечник овальной формы.

Кресала. Железные кресала являются одной из характерных находок для средневековых кочевнических (и не только кочевнических) захоронений Восточной Европы (Евглевский, Потемкина 2000б: 181—208). В погребении Мщ-4, 7/3 (рис. 4: 4) и Мщ-4, 14/1 (рис. 11: 4) отмечено по одному кресалу. Они относятся к типичным находкам на территории Северо-Восточного Причерноморья, обычно датируемым в пределах XII—XIV вв. (Армарчук, Дмитриев 2014: 123, рис. 53 и др.). Точно такие же кресала встречены и в других захоронениях могильника «Молоканова щель».

Посуда. В публикуемых материалах находки этой категории представлены двумя керамическими сосудами (рис. 3: 1; 10: 1) и одним стеклянным стаканом (рис. 11: 15), который находился в одном захоронении с керамическим сосудом (рис. 8: 8—9).

Керамика. Сосуд из погребения Мщ-4, 7/3 (рис. 3: 1) — одноручный кувшин со сливом, расположенным перпендикулярно ручке, гончарный, кирпично-красного цвета. В месте наибольшего расширения тулова орнаментирован плохо сохранившимися врезными горизонтальными линиями. Высота сосуда — 19,5 см, диаметр горловины — 6 см, в месте максимального расширения тулова — 12 см, дна — 6,7 см. Дно плоское. Ручка овальной формы в сечении.

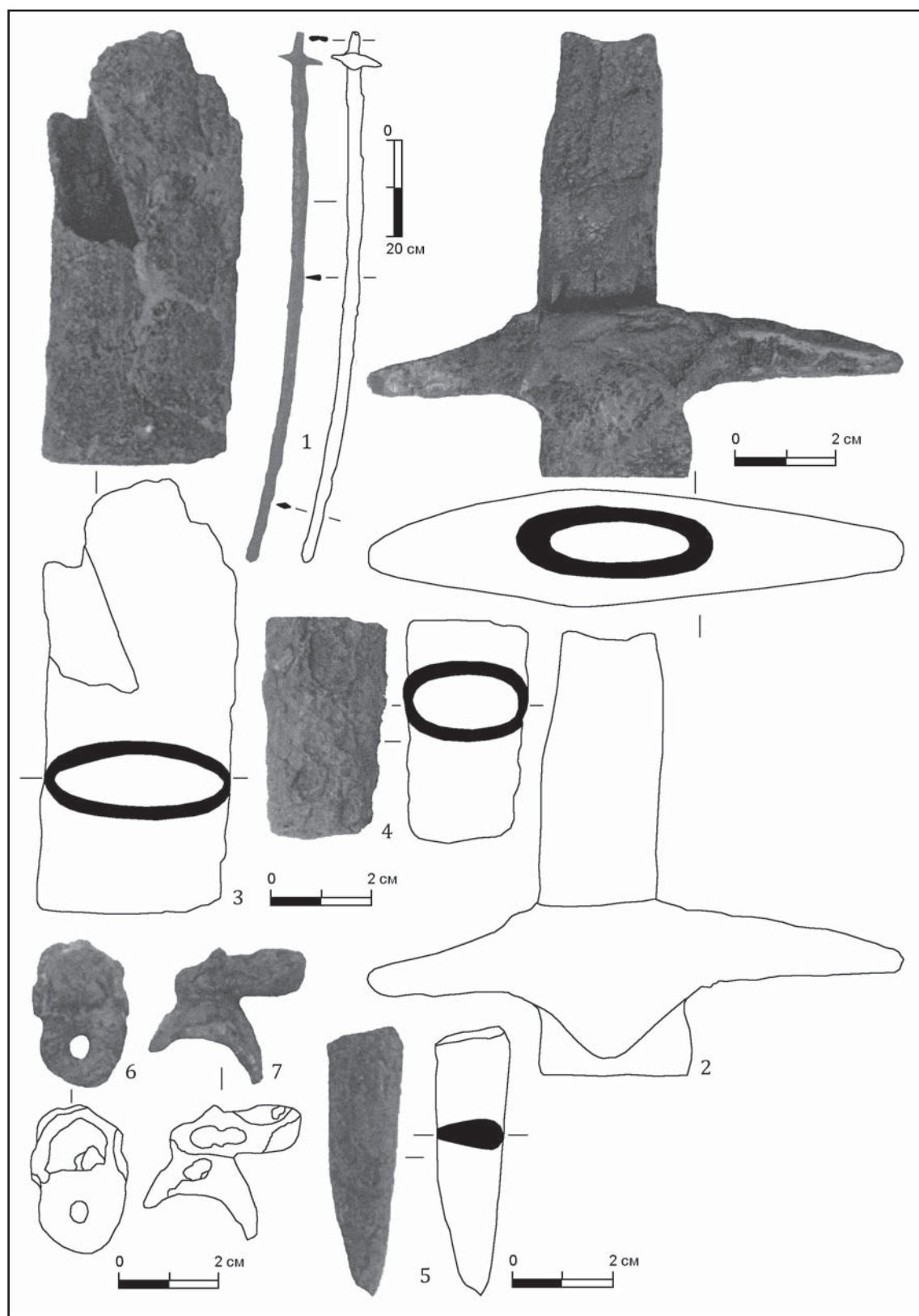

Рис. 9. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1 — сабля; 2 — перекрестье сабли; 3 — наконечник ножен сабли; 4 — наконечник ножен ножа; 5 — фрагмент лезвия ножа; 6, 7 — детали крепления ножен сабли (1—7 — железо).

Fig. 9. The burial ground "Molokanova Shchel", the barrow group 4, the mound № 14. Inventory of burial no. 1: 1 — saber; 2 — crosshairs of the saber; 3 — tip saber's scabbard; 4 — tip of the knife sheath; 5 — fragment of the knife blade; 6, 7 — the details of the attachment of the saber sheath (1—7 — iron).

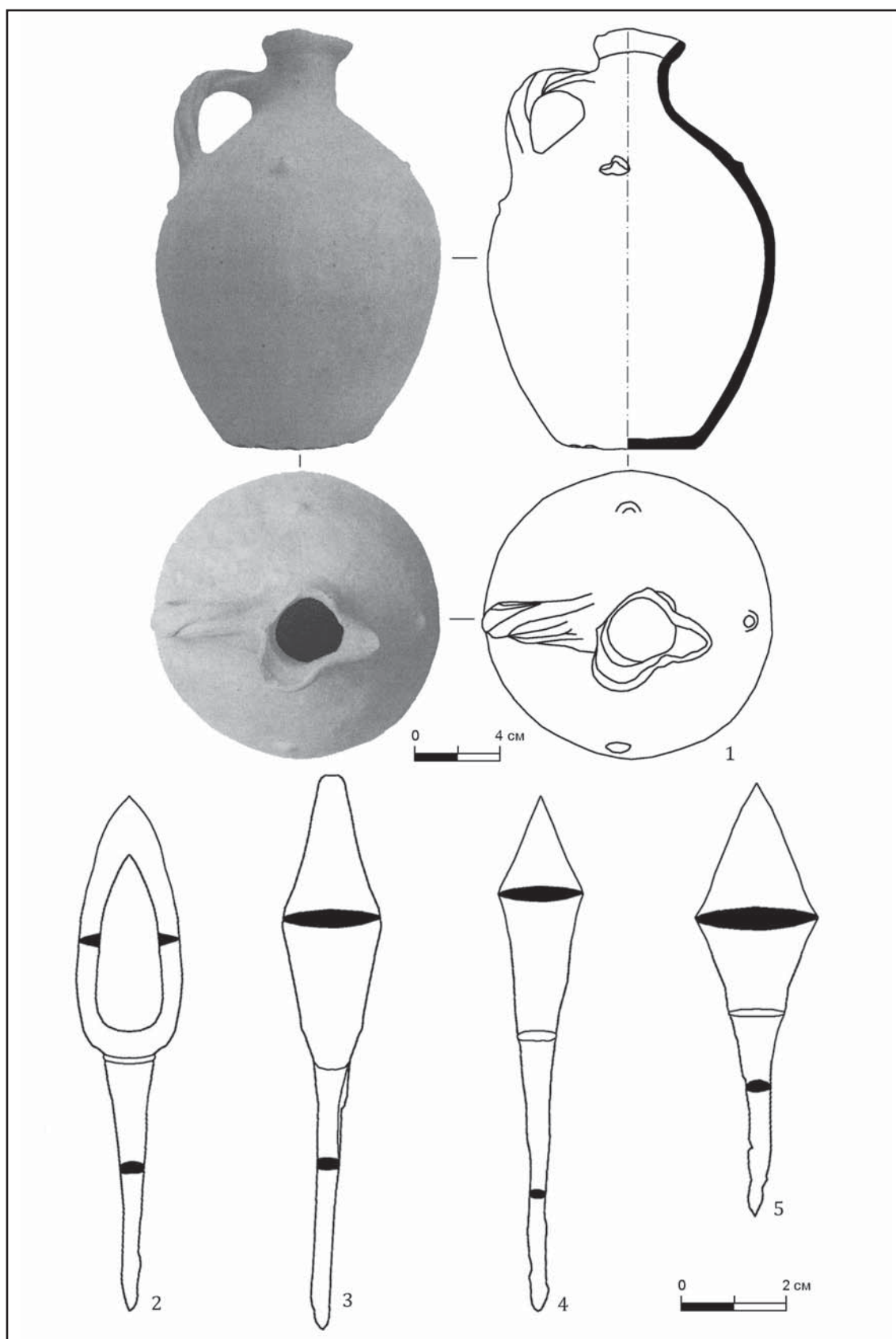

Рис. 10. Могильник «Молоканова щель», курганный группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1 — керамический сосуд; 2—5 — железные наконечники стрел.

Fig. 10. The burial ground "Molokanova Shchel", burial group 4, barrow no. 14. Inventory of burial no. 1: 1 — ceramic vessel; 2—5 — iron arrowheads.

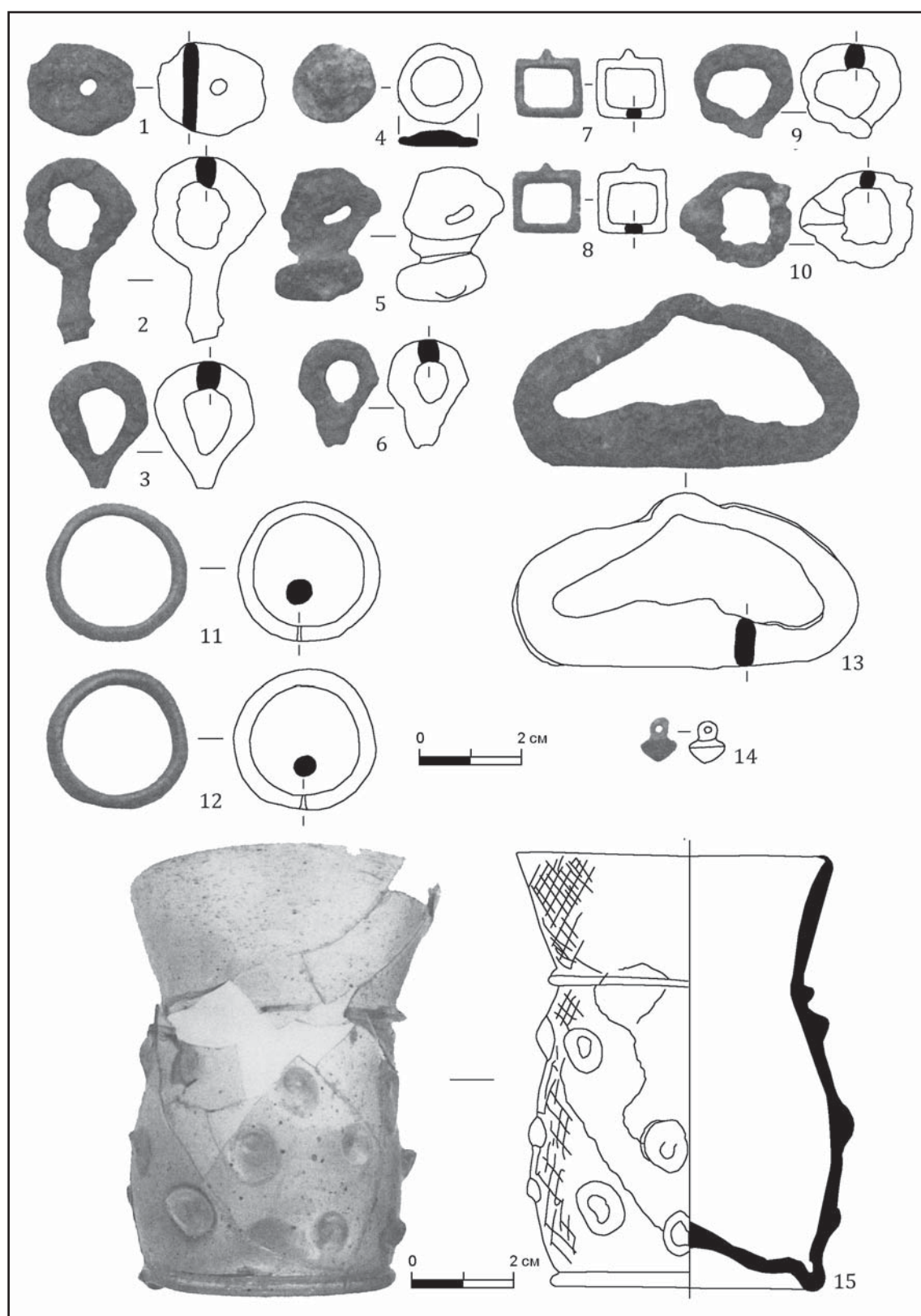

Рис. 11. Могильник «Молоканова щель», курганный группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1—6 — детали щита; 7, 8 — пряжки (?); 9, 10 — пряжки; 11, 12 — кольца; 13 — кресало; 14 — бубенчик-пуговица; 15 — стакан (1—10, 13 — железо, 11—13 — бронза, 15 — стекло).

Fig. 11. The burial ground "Molokanova Shchel'", burial group 4, barrow no. 14. Inventory of burial no. 1: 1—6 — details of the shield; 7, 8 — buckles (?); 9, 10 — buckles; 11, 12 — rings; 13 — clasp; 14 — bug-button; 15 — glass (1—10, 13 — iron; 11—13 — bronze; 15 — glass).

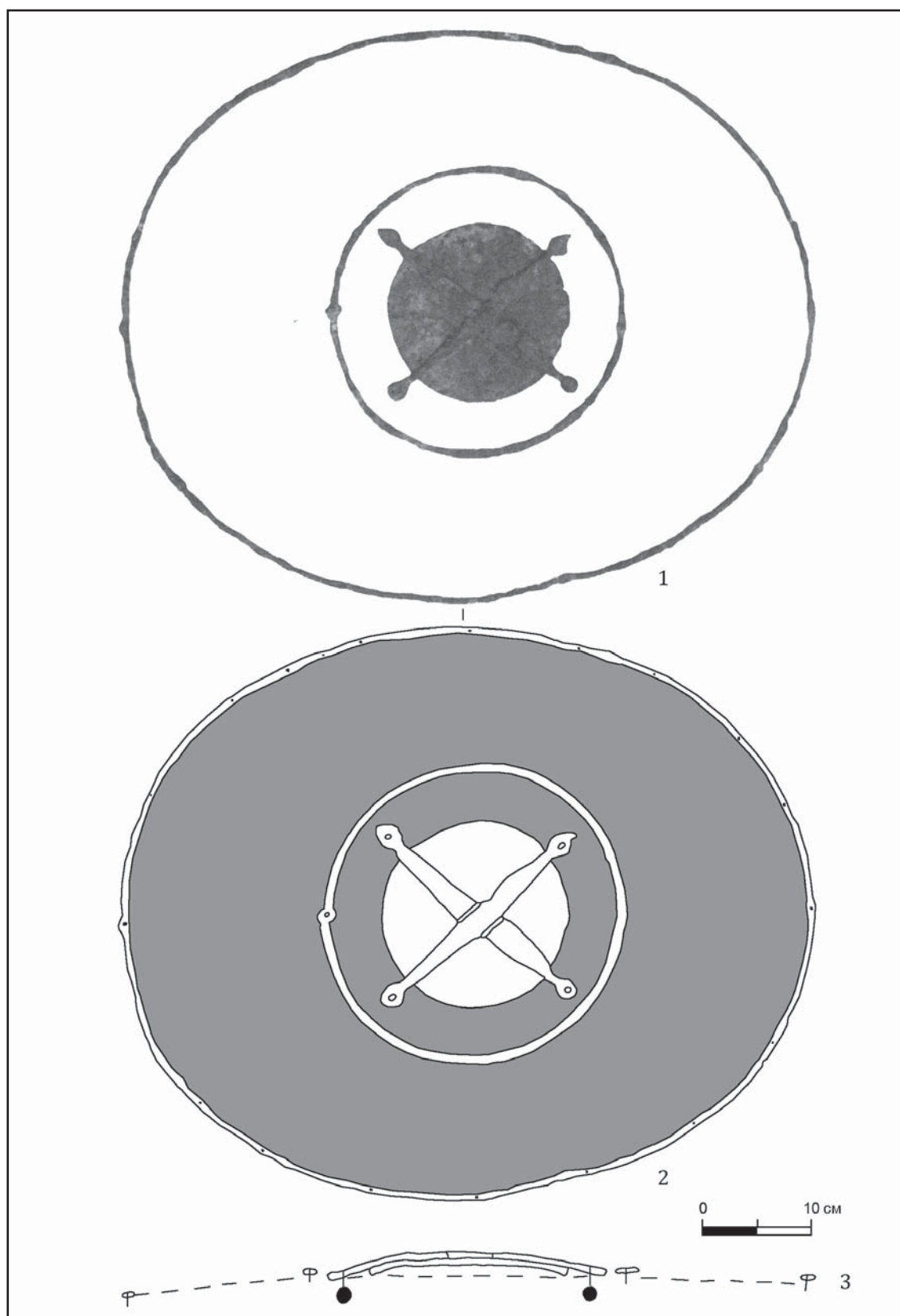

Рис. 12. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1 — план расположения деталей щита; 2 — план расположения деталей щита и следов деревянного каркаса; 3 — щит, вид сбоку.

Fig. 12. The burial ground "Molokanova Shchel", burial group 4, barrow no. 14. Inventory of burial no. 1: 1 — the layout of the shield parts; 2 — the layout of the parts of the shield and the traces of the wooden frame; 3 — shield, side view.

Сосуд из второго погребения (Мш-4, 14/1) — крупный одноручный кувшин со сливом (рис. 10: 1), также красно-охристого цвета, высотой 28,5 см. Диаметр горловины 13×15 см. Горловина оформлена в виде заметно отогнутых наружу трех полукружий (частично отбиты), одно из которых (напротив ручки), чуть больших размеров, переходит в слив. Диаметр сосуда в месте наибольшего расширения тулова 21 см, дна — 12 см. Ручка овальной формы в сечении с выпуклой верхней поверхностью. По верхней плоскости ручки нанесены косые врезные линии, имитирующие витки. Подобные ложновитые ручки на могильнике «Молоканова щель» были встречены, как минимум, еще в трех погребениях.

Еще одной особенностью данного сосуда являлось то, что по его плечам (крест-накрест) располагалось по одному рельефному сосцевидному налепу (рис. 10: 1): самый высоко расположенный налеп находился под сливом. Перпендикулярно ему, по бокам сосуда, два налепа помещены на одном уровне. Последний, четвертый налеп — под нижним прилепом ручки. Подобные налепные украшения известны, к примеру, на пока не опубликованной керамике с территории поселения золотоордынского времени «Железнодорожное-1» (Краснодарский край) и Келийского могильника (высокогорная Ингушетия).

Стекланный стакан зеленого цвета (рис. 10: 15), фрагментирован. После реставрации высота сосуда определена в 14,6 см, диаметр по венчику — 6 см, по горловине, отделенной от тулова тонкой рельефной полоской, — 5,2 см, в месте наибольшего расширения тулова — 6,2 см. Дно, конусовидно заглубленное внутрь, с внешней стороны образует слабо выступающее наружу кольцо-поддон. По внешней поверхности стакан декорирован тремя рядами рельефных сосцевидных налепов. Стекланная посуда, как правило, происходит из подкурганых захоронений Северо-Восточного Причерноморья. Несмотря на отсутствие исчерпывающе полной публикации, коллекция ныне известных находок стекланный посуды достаточно представительна, выразительна, многочисленна и разнообразна. Из уже опубликованных материалов этого региона укажем на стекланный стакан иной формы из погребения № 16 Цемдолинского могильника (Армарчук, Малышев 1997: 100, рис. 8). Фрагменты таких же стаканов известны и значительно восточнее, например, на территории совр. Чечни (Мамаев, Мамаев, Нарожный 2012: 125, № 42, 46). Выразительная кол-

лекция стекланный посуды с территории Северо-Восточного Причерноморья, происходит из погребений курганных могильников «Криница» и «Молоканова щель» под г. Геленджиком (неопубликованные раскопки А.В. Дмитриева), а также из курганов в окрестностях г. Сочи (Василенко 2007: 250—251, рис. 3: 7; 4: 1; 262, рис. 12: 4; 264, рис. 14: 6; 2008: 279, рис. 14: 1). Известны они и на других памятниках микрорегиона, в т.ч. из погребений курганного могильника «Лобанова щель» (Марченко, Пьянков 2002: 213, рис. 25: 1; Козюменко, Раев 2002: 255, табл. 12: 3). Ныне известные в Северо-Восточном Причерноморье разнотипные изделия стекланный посуды, включая и публикуемый нами стакан, тяготеют к находкам посудного стекла, например, из золотоордынского Азака. Там такие предметы связывают с импортами стекланный продукции из мастерских Ближнего Востока, Средней Азии, Золотой Орды, включая и сам Азак и итальянской Венеции (Кравченко 2016: 39—44). Учитывая соседство вышеуказанных курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, в инвентаре которых были выявлены упомянутые изделия из стекла, их распространение здесь более уместно соотносить с торговой активностью, осуществлявшейся через европейские (итальянские) фактории, якорные стоянки и иные специально использовавшиеся для торговли и обмена участки прибрежной полосы региона (Артюхин 2013: 347—362; Бочаров 2017: 57—63, рис. 1; Василенко 2017: 184—185). Именно с ними предпочтительнее связывать приток и распространение такой продукции в микрорегионе (Нарожный 2017б: 10—11).

Прочие предметы. В их число входит распавшаяся игла из железной проволоки, находившаяся в погребении Мш-4, 7/3 (рис. 2: 3), а также металлические кольца. Одно из них — распавшееся железное кольцо из погребения Мш-4, 7/3 (рис. 2: 6). Еще два бронзовых кольца из погребения Мш-4, 14/1 (рис. 11: 11, 12), неясного функционального назначения, могли являться частью портупейных ремней, при помощи которых эти ремни крепились к ножнам сабли.

Несколько железных предметов (рис. 11: 1—6), были обнаружены под центральной частью щита погребения Мш-4, 14/1 (рис. 8); они могли являться деталями крепления железных обивок щита. Пряжки (?) подпрямоугольной формы с перпендикулярно отходящим от рамки отростком (рис. 11: 7, 8), как и две железные пряжки небольших размеров

(рис. 11: 9, 10), скорее всего, от ремня, крепившегося с внутренней стороны щита к его центральной части.

Предметы вооружения

Топор. Средневековые авторы отмечали наличие боевых топоров, входивших в экипировку практически каждого татаро-монгольского воина (Путешествие 1957: 50—51). В. А. Иванов, разделяя точку зрения М. В. Горелика, на примере Болгарского улуса, называет эту категорию вооружения региональной (Иванов 2015: 81). Опираясь на свою выборку кочевнических погребальных комплексов из 382 погребений (это примерно 32,4% всех учтенных им кочевнических захоронений эпохи Золотой Орды, содержавших в себе как отдельные воинские предметы, так и полные наборы воинского снаряжения), В. А. Иванов отмечает: на все указанное количество погребений в этой выборке приходится всего 2 случая фиксации в них топоров (Иванов 2015: 81—82, табл. 9).

На территории Северо-Восточного Причерноморья (ныне — территория совр. г. Геленджика) еще один типологически близкий топор был опубликован В. В. Саханевым (Саханев 1914: 196, рис. 50: 2). Называя находку «топориком-секирой» (курган №35 из раскопок В. В. Саханева), исследователь полагал, что это «единственная находка» подобного типа на территории Причерноморья (Саханев 1914: 199). Находки близких топоров известны из культурного слоя поселений золотоордынского времени «Железнодорожное-1» и «Железнодорожное-2» (Нижнее Закубанье), исследовавшихся в 2012 году (Василиненко, Нарожный, Соков 2017: 187, рис. 1). Они надежно синхронизируют и публикуемую нами находку. К тому же, ныне есть веские основания полагать возможной связь кочевого населения округи совр. г. Геленджика, включая и территорию, где расположен могильник «Молоканова щель», с частью населения, обитавшего в округе поселений «Железнодорожное-1» и «Железнодорожное-2» (Мокрушин, Нарожный, Соков 2016: 221—224).

Сабли. В обоих публикуемых захоронениях сабли были уложены аналогичным образом: вдоль погребенных, с левой стороны, острием сабельных клинков к плечу и концом рукоятей к ступне (рис. 2; 8). В качестве единственного отличия следует указать на то, что в погребении Мщ-4, 7/3 сабля лежала острой стороной лезвия к скелету; в погребении

Мщ-4, 14/1, острая часть лезвия была повернута в сторону от скелета. В обоих способах укладки сабель А. В. Евглевский видит определенный семантический смысл. Судя по другим кочевническим захоронениям Восточной Европы, способ положения сабли «острием к изголовью» был выделен А. В. Евглевским в отдельный признак (Евглевский 2002: 325—326, рис. 49). А. В. Евглевский ссылается на 38 случаев именно такого расположения сабли в кочевнических захоронениях; в 34 из них, как и в публикуемых нами захоронениях, сабли располагались слева от человеческого скелета. К тому же, как отмечает исследователь, такое положение сабель в захоронении статистически доминирует на территории «Прикубанья, Закубанья и на Нижнем Дону». При этом, продолжает он, «заметно бросается в глаза» их преобладание «в Северо-Западном Предкавказье» наряду с их «относительно частой встречаемостью в междуречье Днепра и Молочной, в Крыму и на Нижнем Дону» (Евглевский 2002: 227—327). Другими словами, публикуемые материалы выявленной ранее статистике не противоречат, а наоборот, подтверждают ее.

По мнению В. А. Иванова, также опирающегося на некоторые итоги собственной статистической обработки материалов из кочевнических захоронений, сабля, наряду с доспехом и наборным поясом (отсутствующими в нашем случае), могут восприниматься в качестве «социально-престижных предметов» (Иванов 2015: 62), вполне определенно маркирующих прижизненный статус погребенных в этих захоронениях.

У сабли из погребения Мщ-4, 7/3 перекрестье не сохранилось или отсутствовало при помещении сабли в погребение. Сохранилась обойма нижней части ножен сабли (рис. 9: 3) средних размеров. Следует заметить: эта деталь сабель на территории Северо-Западного Кавказа нередко имеет внушительную длину. Асимметричное перекрестье этой же сабли (рис. 9: 2) напускное. Его тип известен по аналогиям, датированным золотоордынским временем. Такое же перекрестье отмечено на сабле из кочевнического захоронения №1 кургана 2 могильника Южный-34 в Краснодарском крае (Блохин, Дьяченко, Скрипкин 2003: 207, рис. 8: 10). Есть они и среди материалов золотоордынского времени из высокогорной Ингушетии, например, в погребении №11 Келийского могильника (Виноградов, Нарожный 1994: 90, рис. 17: 21). Наиболее ранние образцы сабель с таким типом перекрестья известны в Поросье (Толочко 2003: 84, рис. 24).

Обе публикуемые сабли по своей длине и, особенно, степени изогнутости (кривизне) сабельных клинков сопоставимы с саблями, происходящими из погребений других курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, среди которых наиболее изученными являются сабли из Цемдолинского могильника под Новороссийском. Весьма показательно, что сабли Цемдолинского могильника, на что Е. А. Армарчук и А. А. Малышев обращают особое внимание, по своей «кривизне и длине... укладываются в соответствующие параметры сабель черноклобуцких древностей XII — 1-й пол. XIII вв.» (Армарчук, Малышев 1997: 95; ср.: Плетнева 1973: 17—18). Аналогии вполне определяющие, хотя датировка публикуемых нами сабель, как и на Цемдолинском могильнике, вполне укладывается и в рамки золотоордынской эпохи. Одновременно они указывают, с одной стороны, на значительно более широкий ареал бытования дериватов «черноклобуцких» сабель вдали от ареала традиционной зоны обитания указанных кочевников (приграничье Южной Руси). С другой стороны, такие параллели не позволяют соглашаться и с иногда встречающейся трактовкой таких сабель как оружия с традиционно «адыгским» генезисом (Стрельченко 1960: 150).

Наконечник копья. Данная категория предметов вооружения, как полагают специалисты, активно использовались при нанесении «копейного удара», являвшегося одним из традиционных тактических приемов монгольской конницы (Горелик 1990: 159), или для «таранного удара» тяжеловооруженной конницей (Иванов 2015: 94). В уже упоминавшейся выше статистической выборке кочевнических погребений В. А. Иванова (382 погребения) «наконечники копий связаны были только с 21 захоронением, составляющих 5,4%» всей выборки (Иванов 2015: 92).

В археологических памятниках Северного Кавказа наконечники копий встречаются значительно чаще, хотя и здесь они немногочисленны. Помимо публикуемого образца, наконечники копий эпизодически известны в погребальном инвентаре и других воинских захоронений могильника «Молоканова щель». Наконечник копья из погребения Мш-4, 14/1 фрагментирован, сильно корродирован. Общая его длина — 35 см, диаметр втулки — 2,2 см. Квадратная в сечении пера «пика» имеет близкие аналогии, в т. ч. с более развитым конусовидным втком. Аналогии таким наконечникам копий известны, например, в древностях Алтая монгольского времени (Тишкин 2009: 154, рис. 103: 1), в погреб-

бальном инвентаре кочевнических захоронений Поросья (Dąbrowska 1958: 167, tabl. VIII: 2) и в высокогорных частях Ингушетии (XIII—XIV вв.) (Чакхкиев 1987: 70, рис. 1: 6) и Чечни (Алмазов, Дзаријева, Чакхкиев 1998: 41, рис. 4: 1). Наиболее близкие аналогии им известны с территории Краснодарского края (Схатум 2012: 68, рис. 2: 2), и в Башкортостане, где подобный наконечник опубликован среди железных «наконечников стрел» (Гарустович 2012: рис. 6: 1). Обращает на себя внимание то, что у публикуемого нами образца, впрочем, как и у предмета из Башкортостана — небольшой по диаметру вток, отчего диаметр древка, вставлявшегося внутрь, был небольшим. Это позволяет предполагать, что оба сравниваемых нами предмета могли являться не наконечниками копий, а наконечниками метательных дротиков (?).

Наконечники стрел. В публикуемых материалах наконечники стрел представлены колчанными наборами (рис. 2: 1, 2; 4: 2, 3, а-м; 10: 2—5), сопровождавшими оба захоронения. В первом случае (погребение Мш-4, 7/3) несмотря на то, что наконечники стрел были сильно корродированы и спеклись в один массивный комок, последующая их расчистка позволила определить их количество — 12 экз. (рис. 4: 3, а-м). Интересно, что, по наблюдениям В. А. Иванова, основная масса исследованных им кочевнических захоронений демонстрирует среднестатистическое количество наконечников стрел в одном колчане, не превышающее 5 экз. (Иванов 2017: 100). Тем не менее, в некоторых захоронениях их бывает значительно больше. Публикуемое захоронение это подтверждает. Значительное количество наконечников стрел продемонстрировало также, например, разрушенное горноингушское воинское захоронение нач. XV в. из сел. Верхний Алкун. Находки оттуда позволяют считать, что в нем находилось не один, а сразу два колчанных набора (Чакхкиев, Нарожный 1990: 129—140)³.

³ Совсем недавно данное погребение и его погребальный инвентарь были использованы в совершенно ином этнокультурном контексте, на что в литературе мы уже указывали (Нарожный, Чакхкиев 2010: 137—139). Так, без ссылок на первоисточник информации, часть предметов верхнеалкунского комплекса, которые хорошо и безошибочно угадываются (Березин, Нарожный 2010: 195—207), появилась в публикации образцов вооружения «северокавказских воинов-участников Куликовской битвы» (Щербаков, Дзысь 2001: 24, рис. 1). Это совсем не соответствует историческим реалиям (Нарожный, Чакхкиев 2010: 137—139) хотя бы по той причине, что комплекс из Верхнего Алкуна дати-

Большинство наконечников стрел из погребения Мщ-4, 7/3 — с плоским пером, но разнотипные по его форме (рис. 4: 3, а-м). Многие из них имеют многочисленные, как типологически близкие, так и тождественные аналогии среди наконечников стрел золотоордынского времени с территории Северного Кавказа (Мамаев, Чахкиев, Даутова 1983: 61—63, рис. 9; 10). Один наконечник (рис. 4: 3 м) с короткой боевой частью, пулевидной формы. Наибольший интерес представляют два трехлопастных наконечника (рис. 4, 3 ж, л). Один из них (рис. 4: 3 ж) относится к типу наконечников стрел, которых называют «трехлопастными с кунжутolistными лопастями». Аналогии известны в кочевнических памятниках Центральной Азии, в раскопках материковых территорий русских городищ, разрушенных монголо-татарами, а также на территории бывшей Чечено-Ингушетии (Мамаев, Чахкиев, Даутова 1983: 63, рис. 11: 6, 66, группа В, тип 2). Любопытно, что аналогии по своим размерам почти идентичны публикуемому образцу. А. Ф. Медведев рассматривал такие образцы как «сибирские» привнесения монголо-татар (Медведев 1966: 59, рис. 5: 5). Нередко наконечники стрел этого типа дополнительно имели костяной «свисток». Второй трехлопастный наконечник стрелы (рис. 4: 3 л), чуть меньших размеров. Насколько можно судить по сохранившимся остаткам, наконечники стрел находились, скорее всего, в деревянном колчане (или — колчанах), обтянутом кожей. Одиннадцать наконечников стрел в нем лежали острием вниз («в дно») и лишь один из них — в противоположном направлении.

руется двумя (Чахкиев, Нарожный 1990: 129—140), а не тремя, как ошибочно отметил А. В. Пачкалов, серебряными монетами Хаджитархана, битыми от имени Пулад-хана. Недавно этот же погребальный комплекс был воспроизведен и в 3-м томе 7-томной «Истории татар» (История татар... 2009: 418), в которой он был презентован как «кочевнический» погребальный комплекс. На самом деле мы имеем дело с погребением горно-ингушского воина, обитавшего в нач. XV века в высокогорной зоне Ингушетии (Нарожный, Чахкиев 2010: 237—238), как считается, не входившей в пределы Золотой Орды. Уточнилось и прочтение двух тождественных надписей на 2-х фрагментах керамики из погребения, начертанных буквами грузинского алфавита ассомтавули. Если раньше, по определению грузинских специалистов, надпись содержала средневековое личное имя (?): «ТАЛЕВР» (Чахкиев, Нарожный 1990), то ныне это прочтение, возможно, будет уточнено (Мамаев, Мамаева, Мамаев 2016: 334—335).

Второй колчаный набор, как и в первом случае, внутри погребения располагался справа от правой ступни погребенного (рис. 8: 14; 10: 2—5), также остриями вниз («в дно»). Но в отличие от первого захоронения, в погребении Мщ-4, 14/1 в колчанном наборе было всего 4 наконечника (рис. 10: 2—5). Все 4 экземпляра черешковые, с плоским пером. У одного из них (рис. 10: 2) в средней части пера расположен сквозной вырез, стороны которого заovalены и параллельны внешним контурам. Подобные наконечники стрел («с прорезью») хорошо известны в материалах золотоордынского времени (Мамаев, Чахкиев, Даутова 1983: 61, рис. 9: 12); они нередко квалифицируются как «зажигательные», поскольку, как считается, в такие прорези могла вставляться пакля, предварительно обильно смоченная нефтью или какими-либо другими горящими веществами, поджигавшимися перед выстрелом из лука.

Шлем. Шлемы, судя по свидетельствам некоторых из средневековых авторов, наряду с саблями и латами, являлись атрибутом только «богатых» и лишь «некоторых» кочевников (Путешествия 1957: 50—51).

В публикуемых материалах шлем представлен единственным экземпляром — в погребении Мщ-4, 7/3. Как уже отмечалось выше, шлем этот был склепан из 4-х секторов, края которых расположены внахлест, заходя на соседний сектор, и дополнительно скреплялись заклепками. Эта группа шлемов имеет прямые и близкие аналогии на территории Северо-Западного Кавказа и не только. Вероятно, в их типологической классификации сегодня следует выделять уже несколько вариантов, скорее всего, производных от одного типа. На такую постановку вопроса, к примеру, наталкивает относительно недавняя, небольшая по своему объему книга уважаемых коллег из музея-заповедника «Куликово поле» (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012). Опираясь на беспоспортивную находку еще одного четырехчастного шлема из-под г. Анапа в Краснодарском крае, указанные авторы создали актуальный прецедент для нового и несколько иного отношения к проблеме генезиса и атрибуции таких шлемов. Публикуя боевое наголовье из-под Анапы, О. В. Двуреченский, А. В. Барышев и П. В. Бирюков использовали различные возможности естественнонаучных методов, позволивших разносторонне изучить эту находку, выявив при этом множество ранее никем и никогда не фиксировавшихся деталей. Такой подход к ис-

следуемым артефактам необходимо только приветствовать. Вместе с тем, наши коллеги недостаточно полно, а вследствие этого, недостаточно корректно представляют историографический аспект изучения таких шлемов⁴. В частности, они утверждают, что «внимание к шлемам подобного типа было привлечено совместной публикацией Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко (Схатум, Дымченко 2003: 29—35). А в 2008 году Е.И. Нарожный вновь обратился к рассмотрению четырехчастных шлемов» (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 10). На самом деле это не совсем так. Справедливости ради укажем на публикацию кочевнического захоронения из степного Прикубанья, в погребальном инвентаре которого был четырехчастный шлем. Этот погребальный комплекс был введен в научный оборот Ю.В. Зеленским. Судя по этой публикации, шлем был не только изготовлен из четырех подтреугольных секторов (т.е. был четырехчастным), но и имел дополнительные детали, отсутствующие на упомянутом выше шлеме из-под Анапы: на его лицевой стороне были неглубокие вырезы для глаз; купол этого шлема был увенчан завершием крестообразной формы (рис. 6: 8) (Зеленский 1997: 90). Получается, что Ю.В. Зеленский, а не Р.Б. Схатум и В.М. Дымченко, является одним из первых авторов, обратившим внимание на этот тип шлемов, отнеся данное боевое наголовье к разряду «половецких». Приведенные Ю.В. Зеленским аналогии этому боевому наголовью вызвали возражения, т.к. в качестве одной из прямых параллелей ему был указан шлем из известного погребения в Чингушском кургане на Украине. Не совсем сопоставимы с этим шлемом были и другие аналогии, указанные Ю.В. Зеленским. В 2003 г. появилась уже отмечавшаяся выше статья Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко. В ней была опубликована их совместная реконструкция четырехчастного шлема, происходившего из погребения кургана № 24 Убинского могильника (Схатум, Дымченко 2003: 29—35). Приводя ему несколько аналогий из захоронений Цемдолинского могильника под Новороссийском, авторы максимально сближали и синхронизировали убинский шлем со шлемом, опубликованным Ю.В. Зеленским (т.е., со шлемом, имевшим вырезы для глаз и крестообразное завершие). Наряду

с этим, ссылаясь на текст «Задонщины», упоминавшей «шеломы черкасские», они высказались за возможность связать все известные им четырехчастные шлемы именно с теми самыми «черкесскими» шлемами русского источника. Отсутствие у Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко более доказательной аргументации, при довольно неопределенной датировке и этнокультурной атрибуции погребенных Убинского могильника⁵, давали

⁵ Убинский курганный могильник, находившийся на притоке Кубани — р. Убина, исследовался с 14 апреля по 24 июня 1941 г. силами Шапсугской археологической экспедиции краевого бюро по охране памятников старины и Краснодарским краевым краеведческим музеем. Общее руководство экспедицией осуществлялось Н.Н. Анфимовой. В Краснодарском краевом музее материалы этих раскопок представлены в «дневниках, чертежах, планах курганов и могильника, рисунками предметов, фото погребений, фотодневником, ... таблицами с описаниями погребений и пр.» (Хачатурова 2012: 92). К сожалению, до сих пор материалы эти не опубликованы, несмотря на то, что работа с материалами проводилась даже при финансовой поддержке РГНФ. Отсутствие полной информации об Убинском могильнике по-прежнему не дает возможности для выработки единой точки зрения как по датировке и определению общей хронологии могильника, так и по этнокультурной атрибуции погребенных на нем. Тем не менее, таковые попытки уже предпринимались. А.П. Смирнов в свое время считал Убинский могильник связанным с славянами. А.Л. Монгайт справедливо считал этот некрополь вызывающим «большой интерес» и высказывал сожаление, что результаты его раскопок «до сих пор не опубликованы. Коллекции, находящиеся в Краснодарском музее, за истекшие годы с момента раскопок (1940—1941 гг.), пришли в беспорядок и изучение комплекса могильника с течением времени, все больше затрудняется». Исследователь сообщал, что на могильнике было вскрыто 300 могил, суммарно относимых к периоду «X—XIV вв.», из которых 30 — трупосожжения. При этом А.Л. Монгайт справедливо указал: в материалах могильника «нет ничего, связывающего Убинский могильник со славянской культурой» (Монгайт 1955: 331). Существование на могильнике и других, более поздних групп погребений, отмечают и другие авторы (Пьянков, Хачатурова 2010: 301—303). Среди погребений Убинского некрополя явно выделяется группа, относящаяся к золотоордынскому времени, что нельзя игнорировать. На такую датировку указывают 7 джучидских монет, происходящих из одного погребения. По определению Г.А. Федорова-Давыдова, они относятся к началу второй пол. XIV в. (Виноградов, Нарожный, Нарожная 2001: 128). Монеты эти, вероятно, указывают и на относительную датировку интересующего нас шлема из Убинского могильника (Нарожный 2005: 83—100; 2008: 42—54). В отличие от предшественников, Е.П. Алексеева, опираясь на факт наличия на Убинском могильнике трупосожжений, рассматривала некрополь как один из памятников, оставленных здесь предками современных

⁴ Указанные авторы вполне справедливо выявили несколько неточностей в рассматриваемой ими нашей статье, но при этом они и сами допустили несколько подобных погрешностей и неточностей.

определенный повод для критического восприятия данной версии. На этом основании, сначала в 2005 году (а не в 2008 г., как пишут О.В. Двуреченский, А.В. Барышев и П.В. Бирюков), была высказана другая точка зрения. Подчеркну: она касалась не всего многообразия известных к тому времени четырехчастных шлемов, а только *двух из них* — шлема из публикации Ю.В. Зеленского, а также идентичного ему шлема из совместной статьи Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко. В работе 2005 года Е.И. Нарожный не согласился с точкой зрения Ю.В. Зеленского в том, что четырехчастные шлемы с вырезами для глаз и крестовидным навершием — сугубо половецкие, т.к. они могли быть и золотоордынскими, поскольку известны в погребениях разноэтничных кочевников региона. Сомнению подверглась и идентификация этого типа шлемов с сугубо «черкесскими», в т.ч. теми из них, которые, якобы, подразумевались «Задонщиной». Этот тип шлемов, как представлялось тогда, мог сформироваться в Золотой Орде (Нарожный 2005: 93—100). Та же точка зрения была затем повторена в 2008 году (Нарожный 2008: 52—54) и в 2011 г., при публикации новых находок, в т.ч. включавших находку четырехчастного шлема с вырезами для глаз и крестовидно расположенным навершием (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 32, рис. 7: 2; 93, рис. 38: 1), комментируя их (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 90—95). Однако О.В. Двуреченский, А.В. Барышев и П.В. Бирюков указанной разницы не учитывают. Публикуя другой вариант четырехчастного шлема из-под Анапы (рис. 6: 3) — без вырез для глаз и без навершия, указанные авторы, фактически, разделили точку зрения Р.Б. Схатума не только в определении им

«черкесского» генезиса шлема, но и в отождествлении его с типом шлемов, подразумевавшимся «Задонщиной». Но при этом, завершая свои рассуждения, наши коллеги не исключили и «половецкого» его происхождения, указав на шлем, изображенный на одном из изваяний с территории Краснодарского края (рис. 6: 1). Несмотря на отмеченную противоречивость, версию Р.Б. Схатума, поддержанную О.В. Двуреченским, А.В. Барышевым и П.В. Бирюковым, недавно разделили А.В. Сальников (г. Армавир) и Л.А. Бобров (г. Новосибирск), хотя в приведенных ими аргументах легко заметить и некоторые противоречия «черкесской» атрибуции шлемов. В частности, авторы утверждают: «не гнушались черкесским защитным вооружением и представители российской знати. Так, например, на страницах иностранной редакции “Задонщины” (написанной, предположительно, в 20—30-е гг. XVI в.), отборные русские воины вступают в бой, одетые в “золотые доспехи”, с “московскими” щитами, но имея на голове высокие “шоломы чиркаския”» (Bobrov, Salnikov 2017: 728). Однако четырехчастные шлемы, о которых идет речь, никак не назовешь высокими шлемами (рис. 6). Таким образом, разделяя идею «черкесского» генезиса четырехчастных шлемов по версии уже упоминавшихся предшественников, Л.А. Бобров и А.В. Сальников под упоминавшимися в «Задонщине» «шоломами черкесскими», видимо, справедливо ассоциируют с ними известные образцы «черкесских» шлемов других и более поздних по времени типов. Подобная характеристика к приземистым шлемам с четырехчастной структурой купола (рис. 3: 2; 6: 3—10) вряд ли приемлема.

Увеличение количества ныне известных шлемов, в числе которых и публикуемый нами образец, заставляет вновь вернуться к вопросу о генезисе четырехчастных шлемов.

К настоящему времени, помимо публикуемого нами шлема, появились и другие сведения о новых их находках. Помимо случайной находки шлема из-под Анапы (Схатум 2011: 189—201), год спустя детально изученного О.В. Двуреченским, А.В. Барышевым и П.В. Бирюковым, теми же авторами была опубликована фотография такого же шлема на голове половецкой статуи (рис. 6: 1), хранящейся в фондах Краснодарского историко-археологического музея-заповедника (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 44—45, рис. 29; 30). Но эта аналогия с половецкой скульптуры далеко не единственная. Можно указать на еще одну скульптуру из станичного музея в Белоглинском районе Краснодарско-

абазинцев (Алексеева 1980: 14—49). Другие авторы воспринимают этот могильник как некрополь средневековых «касогов-касаков-кашаков», упоминаемых письменными источниками (Пьянков 2001: 198—211; 2002: 67—69). Позднее, без каких-либо аргументов на этот счет, могильник стал атрибутироваться как «адыго-черкесский» (Схатум 2003: 223—234; 2011: 189—201). В последнее время появилась версия П.С. Успенского, который, по крайней мере, кремации данного объекта соотносит с «зихско-касожскими» захоронениями (Успенский 2012: 188—196; 2013: 86—98; 2015; Успенский и др. 2013: 141—153). Подобный разноречивый, как представляется, диктует первоначальную потребность в полной публикации всех сохранившихся материалов Убинского могильника, что, вероятно, в конечном итоге позволит выработать общую точку зрения относительно его этнокультурной принадлежности.

го края (рис. 6: 2) (Нарожный, Соков 2015: 123, рис. 12: а, б). Типологически близкие шлемы изображены и на многих других половецких каменных изваяниях, в свое время опубликованных С.А. Плетневой. Основная масса этих скульптур приходится на территорию современной Украины (Нарожный, Соков 2015: 108). Аналогии на статуях, вероятно, можно рассматривать в качестве одного из доказательств половецких (?) истоков шлемов этого типа, хотя не совсем понятна их датировка. С одной стороны, предложенная в свое время С.А. Плетневой домонгольская датировка изваяний как будто бы дает веские основания относить и изображенные на них четырехчастные шлемы к домонгольской поре. А их распространение на Северном Кавказе заманчиво связывать с расселением здесь половцев, судя по картографии их изваяний (Нарожный, Соков 2016: рис. 1), достаточно плотно освоивших степную и, отчасти, предгорные зоны региона. Как полагают многие авторы, время появления половцев на Кубани, с археологической точки зрения, относится к XII в. (Анфимов, Зеленский 1001: 145). С другой стороны, вряд ли можно исключать и значительно более позднее (золотоордынское?) время их если не появления, то — широкого расселения, на что указывают археологические находки.

Учитывая отмеченные аспекты проблемы, разделим известные нам четырехчастные шлемы на несколько вариантов.

Тип: шлемы четырехчастные.

Вариант 1. Шлемы полусферической формы, со слабовыраженным коническим выступом на макушке. Заметна широкая горизонтальная полоса-отпечаток вдоль нижнего края наголовья. Нижняя часть корпуса заметно сужается книзу, без вырезов для глаз и без завершения. Шлемы этого варианта известны по изображениям на половецких каменных статуях (рис. 6: 1, 2), а также по археологическим находкам изделий. Одна из них — уже упоминавшаяся случайная находка шлема из-под Анапы (рис. 6: 3) (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 18—30 и сл.). Другой такой же шлем происходит из закрытого археологического комплекса — погребения курганного могильника «Джубга-1» (рис. 6: 4) (Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5). Это шлем золотоордынского времени, и по аналогии с ним, вероятно, можно к этому же периоду относить и шлем из-под Анапы.

Вариант 2. Полусферические шлемы со слабовыраженной конической вершиной. Тулья вертикально спускается книзу, без сужения, как на шлемах варианта 1. К это-

му варианту следует отнести публикуемый нами шлем из погребения Мщ-4, 7/3 (рис. 3: 2; 6: 5), датируемый золотоордынским временем. Второй такой же и, вероятно, синхронный шлем — из кургана №35 раскопок В.В. Саханева под г. Геленджиком (рис. 6: 6) (Саханев 1914: 196, рис. 50: 13; 199). Третий шлем — случайная находка из пос. Головина под Сочи (рис. 6: 7) (Ильюков 2010: 15—18). Он, скорее всего, также синхронен вышеупомянутым шлемам этого варианта.

Вариант 3. Такие же, но с вырезами для глаз на лицевой стороне и с завершением крестообразной формы (рис. 6: 8—10) К ним относится уже упоминавшийся выше шлем (рис. 6: 8) из погребения в кургане у хут. Пролетарского в Кореновском районе Краснодарского края (Зеленский 1997: 90, рис. 2: 12). Второй шлем этого варианта происходит из подкурганного захоронения в Кавказском районе Краснодарского края (Блохин, Дьяченко, Скрипкин 2003: 208, рис. 9: 2; Нарожный 2005: 94—95, рис. 43: 2; 2008: 53, рис. 4: 2). К этому же варианту, судя по публикации Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко (Схатум, Дымченко 2003: 29—35, рис. 1: 1—3), относятся и частично фрагментированные шлемы из Убинского могильника, как и упоминаемая ими аналогия из погребения №34 Цемдолинского некрополя под Новороссийском (Армарчук, Малышев 1997: 104, рис. 13: 1). Еще один шлем этого же варианта происходит из кочевнического захоронения №8 кургана №1 могильника Лебеди VI (рис. 6: 8) в Краснодарском крае (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 43, рис. 7: 2).

Находка тождественного боевого наголовья была отмечена и в инвентаре кочевнического захоронения №1 кургана №3 могильника Маяки II на Дону (рис. 6: 10) (Парусимов 2007: 322, рис. 4: 4)⁶.

⁶ Необходимо указать на еще один экземпляр четырехчастного «коническо-полусферического» боевого наголовья, с территории «Восточных Балкан», ныне хранящегося в частной коллекции. (D'Amato 2015: 51, 1: 1—6). Автор публикации предмета — Р. Д'Амато относит это боевое наголовье к «7 в.н.э.»; если принимать эту дату, данный экземпляр может рассматриваться как самый ранний из всех известных. В случае подтверждения этой датировки вполне может быть выстроена совершенно иная линия, определяющая как генезис таких шлемов, так и их эволюционно-хронологическое развитие. Однако, насколько можно судить по фотографии этого шлема, он четырехчастный, но отличается от наших тем, что имеет вершину конической формы. У наших образцов вершина почти плоская. На «балканском» образце имеется близкое по своему оформлению четырехлепестковое на-

Помимо указанных находок четырехчастных шлемов, включенных в вариант 3, нам известны еще, как минимум, до 15-ти других экземпляров. Это не только пока еще неопубликованные шлемы, но и те их образцы, которые будут введены в научный оборот в самое ближайшее время.

Все учтенные нами материалы, при существовании разных подходов к их оценке и датировке, так или иначе, связаны с погребальными памятниками, во-первых, *разноэтничного кочевого населения Северо-Западного Кавказа и Дона*. Во-вторых, все они — заведомо золотоордынское (XIV в.) времени, но и это не дает веских оснований считать их сугубо «адыго-черкесскими», которые, якобы, и подразумеваются в «Задонщине». Вполне вероятно, что своим происхождением изначально (вариант 1) они могли быть связаны с территорией Восточной Европы, в раннем средневековье занятой разноэтничными тюркоязычными кочевниками. Возможно, что именно половцы или иные родственные и предшествовавшие им племенные объединения, включая и тюрки из приграничья с Южной Русью, привнесли этот тип боевых наголовий на Северо-Западный Кавказ. Здесь же шлемы не только «прижились», но и, как это демонстрируют варианты 2 и 3, сохранялись до золотоордынского времени, и при этом подвергались некоторой «модернизации». В ее рамках четырехчастные шлемы были несколько упрощены, что и привело к их проведению в разных вариантах. Важно, что все варианты синхронно сосуществуют. Возможно, что в наиболее «полном» варианте (с вырезами для глаз) шлемы могли иметь и другие детали, например, накладные «брови» и наконечник или невысокую полумаску. На макушке таких шлемов обязательно находилось навершие в виде крестообразной пластинки, в центре которой возвышалась полая трубка, округлое утолщение и пр., предназначенные для плюмажа. Конечно же, наличие всех перечисленных выше деталей, предположительно реконструируемых на шлемах этого варианта, пока не подкреплено «полным» их набором хотя бы на одном реальном экземпляре. Остается только надеяться на новые материалы, которые это

подтвердят или скорректируют, либо наоборот, полностью опровергнут. Важно другое: четырехчастные шлемы — не кавказского («адыго-черкесского») происхождения. Наиболее вероятно, что они являлись одним из наиболее широко распространенных типов боевых наголовий тюрков. В золотоордынское время они сохранились у представителей разноэтничного золотоордынского населения и стали вполне характерным типом шлемов в системе защитного вооружения Золотой Орды, по крайней мере, на территории ее владений на Западном Кавказе и на Дону.

Остатки щита. Данная категория воинского защитного вооружения, в принципе, не является хорошо изученной. Более известная по прорисовкам с изобразительных источников, эта категория находок археологически довольно представительна на территории Северо-Западного Кавказа. К сожалению, основная масса остатков таких щитов связана с разрушенными захоронениями, хотя к настоящему времени уже известно и несколько случаев их фиксации в закрытых погребальных комплексах, как и публикуемый нами щит из захоронения Мщ-4, 14/1.

Одним из первых авторов, обратившихся к изучению щитов, был М. Л. Стрельченко. Опираясь на раскопочные материалы уже упоминавшегося выше Убинского могильника, исследователь опубликовал реконструкцию одного такого щита из этого некрополя (Стрельченко 1960: 156, рис. 6: 1), позиционировав его как одну из разновидностей защитного вооружения средневековых «адыгских воинов». Позднее реконструкцию еще одного щита опубликовал В. А. Тарабанов. Остатки этого щита происходили из погребения могильника, исследованного близ аула Ленинохабль Теучежского района в Адыгее (Тарабанов 1984: 164—173). Очередные их находки, главным образом из разрушенных захоронений, эпизодически использовались другими авторами. В 2003 году появилась обобщающая статья Р. Б. Схатума, опубликовавшего практически исчерпывающую на то время сводку находок остатков щитов с территории Северо-Западного Кавказа. Все такие находки Р. Б. Схатум, исходя из территории распространения предметов, представил как традиционный защитный предмет вооружения «адыгских» воинов (Схатум 2003: 223—234); с некоторыми «косметическими» поправками основные выводы статьи были им продублированы в других работах (Схатум 2011: 189—201; 2012: 58—69). В 2004 г. вышла в свет статья

вершие, увенчанное округлым выступом. Неясно, были ли у этого шлема вырезы для глаз; фрагментарность нижнего края наголовья с одной из сторон, в принципе, не исключает того, что изначально и у этого шлема могли быть такие вырезы (D'Amato 2015: 51). Все это не исключает возможности и более поздней датировки данного шлема.

М.В. Горелика⁷, посвященная тем же самым предметам. В публикациях Р.Б. Схатума и М.В. Горелика заметна значительная текстовая и фактологическая схожесть. Оба автора высказали мысль о возможности распространения таких щитов с территории Северо-Западного Кавказа на территорию Южной Руси (рис. 13: 1—10), вместе с миграцией части населения. В качестве доказательства они указывают на погребение кургана №69 Яблоновского могильника (рис. 13: 1—10), до этого связывавшееся не только с кочевниками (Орлов, Моця, Покас 1985: 50—52).

Еще позднее остатки интересующих нас щитов были выявлены при исследовании нескольких курганов под г. Сочи (Василиненко 2008: 276—278, рис. 10: 1; 11: 1; 12: 1; Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1, 3, 4; Илюков 2010: 15—18) и в Апшеронском районе Краснодарского края (Голубев 2013: 34—36, рис. 1: 1). Несколько фрагментов щита было обнаружено и на территории поселения «Железнодорожное-1» в Крымском районе Краснодарского края (не опубликованы). Щит из погребения 1 кургана 2 могильника «Джугба-1» (рис. 14: 1) находился в одном комплексе с четырехчастным шлемом варианта 1 (Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5). И вновь, следуя традиции, В.А. Тарабанов и Д.Э. Василиненко, Л.Э. Голубев, М.Ю. и Ю.Н. Федосовы презентуют интересующие нас предметы защитного вооружения традиционно, как сугубо «адыгские», никак уже это не аргументируя. Однако существуют аргументы, позволяющие истоки интересующих нас щитов (как и выше рассмотренных четырехчастных шлемов) связывать с другими регионами Восточной Европы, откуда они распространились в конкретных исторических условиях по Северному Кавказу (Нарожный 2010: 94—95). Как справедливо заметили Р.Б. Схатум и М.В. Горелик, помимо территории Северо-Западного Кавказа, погребение со щитом, внешне сильно схожим с кавказскими, было обнаружено в кургане №69 Яблоновского курганного могильника (Южная Русь) близ исторического города Юрьева на Украине, исследованного и опубликованного украинскими коллегами

(Орлов, Моця, Покас 1985: 41—60). Несмотря на то, что, помимо указанной публикации украинских археологов, погребение кургана №69 впоследствии воспроизводилось М.В. Гореликом (Горелик 2008: 158—189; 2014: 73—88), для удобства в сравнении рассматриваемых археологических материалов мы приводим описание и иллюстрацию интересующей нас части погребений Яблоновского курганного могильника (рис. 13).

Могильник этот, судя по его описаниям, занимал территорию общей площадью примерно 2 га на правом берегу р. Россь, с «169-ю курганами» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49). Сравнивая планиграфию его курганов с планиграфией известных «адыгских» курганных могильников и общим количеством курганных насыпей на них, следует отметить, что среди них, в принципе, можно найти некрополи с соответствующим Яблоновскому некрополю количеством курганов. В разные годы на курганном могильнике под Юрьевом силами Белоцерковской экспедиции АН УССР было исследовано 62 курганные насыпи с высотой курганов от «0,2 до 1,5 м» и диаметрами «от 4 до 12 м» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49). Указанные параметры, в принципе, также могут выступать в пользу предположения Р.Б. Схатума и М.В. Горелика об их «адыгской» этнокультурной атрибуции. Спецификой раскопанных на Яблоновском некрополе захоронений было то, что основная их масса содержала трупоположения, которые были выявлены «на уровне древнего горизонта» и, как подчеркивали украинские исследователи, обряд этот «не использовался автохтонным населением на территории Среднего Поднепровья, начиная с конца 1 тыс. н.э.» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49, 55). Погребения на древнем горизонте можно указать и на Северо-Западном Кавказе, что также «работает» на предположение Р.Б. Схатума и М.В. Горелика.

Продолжая рассматривать публикацию коллег из Украины, отметим: ссылаясь на «курган №3» Яблоновского некрополя, они выделяют наличие в нем «остатков кремаций» (в единственном из 62 раскопанных там курганов). Применительно к другим курганам Поросья, указанные авторы отмечают наличие в них лишь «пережитков» отмеченного обряда, сохранившегося лишь в виде «наличия угольков и золы» (Орлов, Моця, Покас 1985: 52). Это не может быть определяющим в интересующем нас сопоставлении приднепровских и северокавказских погребальных обрядов.

⁷ Следует заметить, что статья эта была прислана в сборник еще в конце 2002 г., но из-за задержки с изданием, пролежав в издательстве почти год, она увидела свет лишь в 2004 г. Позднее основные выводы М.В. Горелик развил и в других своих публикациях (Горелик 2008: 158—189; 2014: 73—88 и др.).

Интерпретации

Приведенные Р.Б. Схатумом и М.В. Гореликом северокавказские параллели раскопанным в Поросье материалам, действительно, можно найти в подкурганных кремациях Северо-Западного Кавказа. Однако с этнокультурной точки зрения эти кремации трактуются различно. Как уже было сказано, предлагавшиеся их определения разнятся между собой, иногда противоречивы. В одних случаях исследователи связывали такой погребальный обряд то со «славянами». Эта версия затем справедливо была отвергнута (Монгайт 1955: 331—338). Впоследствии те же самые кремации были соотнесены с погребальным обрядом «абазин» (Алексеева 1980: 14—49), потом со средневековыми «адыгами» (Саханев 1914: 75—218; Стрельченко 1960: 140—157; Схатум 2003: 223—234; 2011: 189—201 и др.). Сегодня же речь ведут о раннесредневековых предках адыгов — племенах «кашаков-касаков-касогов» (Пьянков 2001: 198—211; 2002: 67—69), либо о «зихо-касогах» (Успенский 2012: 188—196; 2015; Успенский и др. 2013: 141—153). Реконструируемая сегодня зона обитания указанных носителей кремационного обряда значительно расширяется, выходя за пределы Северо-Западного Кавказа эпохи средневековья (Бгажноков и др. 2016).

Продолжая рассматривать продекларированную идентичность захоронения кургана 69 Яблоновского некрополя на Украине с «адыгскими» погребальными комплексами Северо-Западного Кавказа, отметим, что и в других случаях, действительно, можно найти некоторые параллели. Так, находки кресал в интересующих нас курганах Поросья наши украинские коллеги, как и основную массу раскопанных ими курганов, датировали периодом «XI—XIII вв.». С этнокультурной точки зрения, исследованные ими захоронения были представлены невянятно и противоречиво: сначала авторы указали на возможную их связь с потомками салтово-маяцкого населения. При этом не исключалась и возможность связи, например, с алано-яскими переселенцами с Северного Кавказа или с кочевниками, испытывавшими их влияние. Оговаривалась и возможность соотнесения этого кочевого населения с «бродниками», охранявшими здесь рубежи русских земель от половцев, и пр.

Р.Б. Схатум и, в особенности, М.В. Горелик, чья аргументация в пользу «адыгской» атрибуции погребения Яблоновского могильника выглядит более стройной и последовательной, сосредоточились на восприя-

тии интересующего нас населения на границах Южной Руси только как возможного «выплеска» в Поросье какой-то части северокавказского населения. Версия эта строилась, фактически, на основании сопоставления лишь одного захоронения (курган 69) Яблоновского могильника. Предпочтение в выборе возможной группы таких переселенцев было отдано средневековым «адыгам» и, в первую очередь, той их части, которая была связана с населением, оставившим знаменитые Белореченские курганы (Схатум 2003: 223—234; 2011: 189—201; 2012: 58—65 и ср.: Горелик 2004: 293—300; 2008: 158—189; 2014: 73—88).

Сопоставляя точки зрения исследователей между собой, мы видим, что версия о «выплеске» части северокавказского — «адыгского», и прежде всего «белореченского», населения в Поросье, все-таки, представляется не совсем убедительной. В этом случае в материалах Яблоновского курганного некрополя должны были бы присутствовать и другие характерные детали погребальных традиций, присущие для адыгской части северокавказского населения. Прежде всего, кроме кургана № 69, в материалах раскопанных 62 курганов Яблоновского могильника, наверное, должно было быть гораздо больше погребальных комплексов, дающих повод для интересующих нас сравнений. При наличии определенного сходства поросских и северокавказских захоронений во внешнем облике курганов, их размерах, а также в отдельных элементах обрядности и даже в инвентаре, заметна и значительная разница между ними. Это заметно при сравнении, к примеру, не только перекрестий на саблях из Яблоновского некрополя (рис. 13: 3), на чем акцентировал внимание М.В. Горелик. Прямое (горизонтальное) перекрестие сабли из погребения в кургане № 69 (рис. 13: 3), хотя и с опущенными вниз концами, при сравнении с близкими перекрестьями сабель Северного Кавказа выявляет, что оно, все-таки, для северокавказского региона не является характерным. На Северном Кавказе встречаются и кресала типов, присутствующих в погребениях Яблоновского могильника (рис. 13: 11), но здесь они редки и относятся к чуть более позднему времени. По крайней мере, «привнесениями» с Северного Кавказа их назвать сложно.

М.В. Горелик, в отличие от Р.Б. Схатума, более стройно и развернуто раскрыл свою систему аргументации. В частности, он отметил: к сожалению, авторы публикации погребения 69 Яблоновского некрополя «не смогли ни верно определить этнокультурную

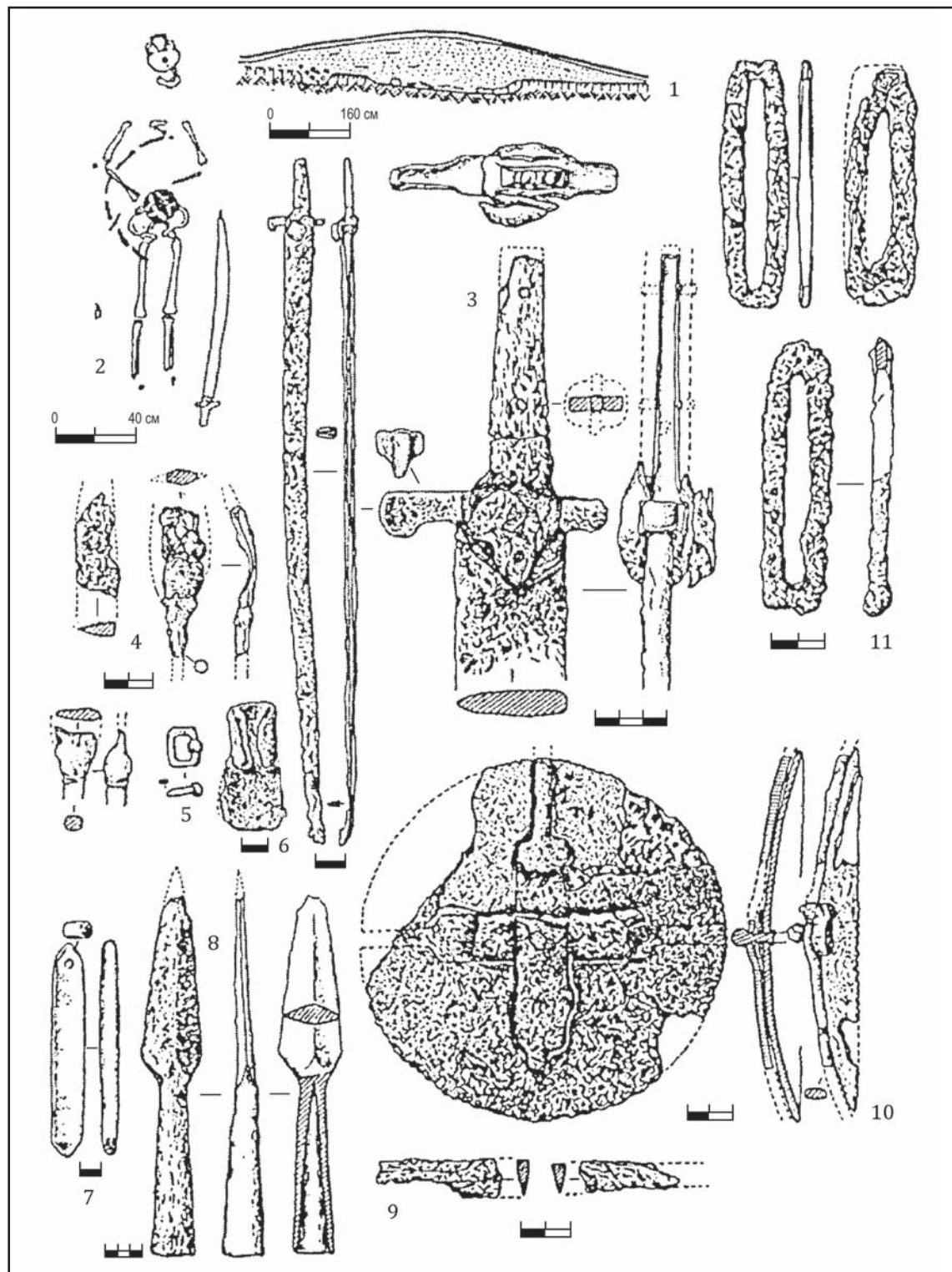

Рис. 13. Курган №69 Яблоновского могильника (Поросье, Украина) и инвентарь его погребения (по Орлов, Моця, Покас 1985: 13—14). Компонировка и рисунок М.В. Горелика (по Горелик 2015: 77, рис. 1: 1—11). 1 — стратиграфический разрез кургана; 2 — план захоронения с остатками щита; 3 — сабля и ее детали; 4 — наконечники стрел; 5 — пряжка; 6 — тесло; 7 — оселок; 8 — наконечник копья; 9 — нож; 10 — умбон от щита; 11 — кресала (3—6, 8—11 — железо; 7 — камень).

Fig. 13. Barrow No. 69 of the Yablunovsky burial ground (Porosye, Ukraine) and the inventory of his burial (after Орлов, Моця, Покас 1985: 13—14). Composition and drawing by M.V. Gorelik (after Горелик 2015: 77, 1, 1—11). 1 — stratigraphic section of the barrow; 2 — plan of burial with the remains of the shield; 3 — saber and its details; 4 — arrowheads; 5 — buckle; 6 — adz; 7 — donkey; 8 — spearhead; 9 — knife; 10 — umbon from the shield; 11 — clasps (3—6, 8—11 — iron; 7 — stone).

принадлежность памятника, ни его датировку. Мелькнувшая у них догадка о связи погребенных с Северным Кавказом, привела их... к аланам X—XI вв. (судя по ссылке на Змейский могильник), чей погребальный обряд — захоронения в глубоких многометровых катакомбах, не имел ничего общего с тем, что было обнаружено по обряду ингушам на горизонте, что являлось традиционным способом погребений древних адыгов, особенно ярко представленным в материалах древнеадыгско-золотоордынской белореченской культуры XIV—XV вв.». Аналогичное сопоставление, как полагал М. В. Горелик, относится и к вооружению: «наиболее ярким, определяющим дату и происхождение покойника памятником являются остатки круглого щита⁸...» (Горелик 2014: 74). Однако и этот «констатирующий» аргумент также не представляется определяющим.

Сопоставительная характеристика захоронений Поросья, и Яблоновского могильника в частности, включая и захоронения, совершенные на древнем горизонте, с захоронениями из знаменитых Белореченских курганов на р. Белой (раскопки Н. И. Веселовского) (Левашева 1953: 165—213), серьезных оснований для полной и прямой идентификации сравниваемых погребальных комплексов, если и дает, то совсем немного. В. П. Левашева, систематизируя сведения о раскопках Белореченских курганов, отметила: курганы эти округлые в плане с полушаровидной формой насыпей. В высоту они были от 0,7 до 7 м, диаметры их Н. И. Веселовским не указаны, хотя по ее расчетам, диаметры малых курганов были в пределах «6—8 м, больших — 15—20 м» (Левашева 1953: 166). Другими словами, они были несколько крупнее по своим размерам, нежели курганы Яблоновского могильника. Спецификой Белореченских курганов было и то, что каждый такой курган насыпался над одним погребенным. И только однажды — над двумя погребенными (Левашева 1953: 166), как и курган № 69 Яблоновского могильника, насыпанный над парным захоронением. В погребениях Яблоновского некрополя встречались, как отмечалось выше, «угольки и зола»; в Белореченских курганах уголь в виде тон-

кого слоя располагался по матерiku, или в качестве куполообразной насыпи над могилой или склепом (Левашева 1953: 166). Основная масса погребений в Белореченских курганах была совершена в грунтовых ямах и только в 4-х случаях — на древнем горизонте, как и захоронения в Яблоновском могильнике. В Белореченских курганах были также захоронения в склепах, поставленных на материке (Левашева 1953: 166). Другими словами, как правило, при сравнении Белореченских подкурганных захоронений с захоронениями Яблоновского могильника, речь можно вести лишь об отдельных и разрозненных материалах. Тем самым, сравнение дает некоторые основания для предложенных Р. Б. Схатумом и М. В. Гореликом сопоставлений, которые, впрочем, не имели системного характера. Преобладание захоронений на горизонте в Яблоновском некрополе и лишь эпизодичное их присутствие на р. Белой, как и отсутствие в Поросье других характерных для «адыгских» курганов признаков, например, склепов или медных погребальных гробов, хотя и редких, но все же встречаемых в Белоречье (Горелик, Дружинина 2011: 39—63; Дружинина 2014: 263—276). Нет в Яблоновском могильнике и многих других характерных для северокавказских «адыго-черкесо-кабардинских» подкурганных захоронений черт (Березин, Нарожный 2007: 177—244). В Белореченских курганах нет интересующих нас щитов, якобы, затем привнесенных на территорию Поросья. Иные в белореченских погребениях сабли — с более изогнутыми клинками и с иным (режуще-колющим) окончанием сабельного полотна, с совершенно иными типами перекрестия и пр. Хотя некоторые из их перекрестий можно рассматривать как характерные для сабель из Поросья (Толочко 2003: 84, рис. 24). Отсутствуют в погребениях Яблоновского могильника и характерные для Белореченских курганов высокохудожественные изделия из металла (Левашева 1953: 201, рис. 11; Крамаровский 1985: 152—180), металлическая (золото, серебро, бронза) и поливная посуда (Армарчук 2015: 129—135) и пр. Все это заставляет склоняться к тому, что если и связывать захоронения Яблоновского могильника и, в особенности, погребения кургана № 69, с заведомо более поздними Белореченскими курганами на Северном Кавказе, то речь здесь логичнее вести о миграциях и привнесениях обратного порядка — из Поросья на Северный Кавказ. А среди них, чего нельзя исключать, были и интересующие нас щиты, и не только. Отдельные предметы

⁸ Исключительно «круглыми щитами» называют практически все ныне известные находки остатков щитов с территории Северо-Западного Кавказа Л. А. Бобров и А. В. Сальников (Bobrov, Salnikov 2017: 728). Судя по публикациям Р. Б. Схатума и М. В. Горелика, не все опубликованные ими остатки щитов были круглыми.

погребального инвентаря из кургана №69 Яблоновского могильника, такие как кресала (рис. 13: 3), значительно чаще встречаются в погребениях кочевников (Федоров-Давыдов 1966: 66, рис. 12: AI, AP; Плетнева 1973: 84, табл. 36: 4, 5; 90, табл. 42: 2; Шалобудов, Кудрявцева 1980: 97, рис. 4: 6; Березуцкий 1989: 152, рис. 1: 12). То же самое можно отнести и на счет находок каменных оселков (рис. 13: 7), имеющих аналогии преимущественно на Северном Кавказе, но и нередко встречающихся также и в кочевнических памятниках (Шалобудов, Кудрявцева 1980: 96, рис. 2). Ножницы для стрижки овец из кургана 69 Яблоновского курганного могильника (Орлов, Моця, Покас 1985: 51, рис. 14), помимо Белореченских курганов, хорошо известны и в материалах кочевнических захоронений Восточной Европы (Федоров-Давыдов 1966: 66, рис. 12: 3). Все это делает предпочтительным сопоставление погребений на Яблоновском могильнике с кочевническим населением Поросья. Рассматривая же возможность переселения части населения из Поросья на Северный Кавказ, необходимо обратить внимание на еще одну группу археологических находок, не учтенных Р.Б. Схатумом и М.В. Гореликом.

Совсем недавно Л.Э. Голубев, реагируя на публикацию Е.И. Нарожного о возможной «миграции» на Северо-Западный Кавказ интересующих нас щитов вместе с кочевниками, скорее всего, из Поросья (Нарожный 2010: 94—95) и не увидев в той версии «особых аргументов», предложил вновь обратить внимание на еще две находки остатков интересующих нас щитов. Первая из них — это «умбон из кургана 7 могильника “Rassawski” (Dąbrowska 1958: 164, tabl. V: 1) в Поднепровье (Польша)» (? — Е.Н.). Вторая находка — «из впускного погребения 2 кургана 1 группы “Дмитриевская-1” в Прикубанье (Блохин, Дьяченко, Скрипкин 2003: 203, рис. 31: 1)» (Голубев 2013: 34)⁹. Следует заметить, что упомянутые археологические материалы «из Польши» Л.Э. Голубевым почерпнуты из статьи, которую Э. Домбровская опубликовала под названием «Россовские курганы»¹⁰. Материалы эти, на момент публикации, действительно, длительное время хранились в «Археологическом музее Кракова». Однако

своим происхождением они были связаны с одним из нескольких разрушенных кочевнических погребений «курганного могильника в урочище «Лучки». Судя по лаконичной информации Э. Домбровской, указанная местность находилась в непосредственной близости от Канева, т.е. на р. Росс (Украина). Оттуда, еще в конце XIX в., эти материалы, на что уже обращалось внимание (Василенко, Нарожный, Соков 2017: 186) и были вывезены в Польшу. Э. Домбровская суммарно датировала опубликованные ею предметы, в т.ч. и интересующие нас остатки щита в рамках «XII — первой пол. XIII вв.» (Dąbrowska 1958: 158—159), хотя некоторые из них могут быть несколько позднее. Обращает на себя внимание то, что интересующие нас разрушенные захоронения, помимо умбона от этого щита (рис. 14: 3), содержали и другие предметы — гривна, наконечник копья, разнотипные украшения, детали «рогов»-очелья (Dąbrowska 1958: 165, tabl. VI: 1; Gołębiowska-Tobiasz 2014: 135, ill. 4) и пр. Эти наборы включают предметы материальной культуры, традиционно связываемые как с половцами, так и с черными клобуками, но отнюдь не с адыго-черкесами. Умбон этого щита (рис. 14: 3) тождествен умбону щита, к примеру, из кургана 69 Яблоновского могильника, отличаясь лишь «стрелковидными» пластинками, крест-накрест проходящими через центральную часть умбона.

Учитывая характеристики отмеченных предметов, включая остатки щита из окрестности Канева, находившегося, фактически, в пределах территории Поросья, можно предполагать, что оба интересующих нас щита (из погребения №69 Яблоновского могильника и из-под Канева) изначально входили в комплекс вооружения кочевников южнорусских степей. Как ранее считала С.А. Плетнева, указанная территория была занята черными клобуками. А это вновь делает актуальной давнюю версию Г.А. Федорова-Давыдова, позднее развитую другими авторами, о возможном переселении черных клобуков за пределы Поросья, включая и Северный Кавказ. По всей вероятности, в числе таких переселенцев были и сопутствовавшие им половцы, впрочем, как и иные кочевые группы населения (Нарожный 2000: 138—150; 2003б: 212—223; 2007б: 204—212; 2017а: 208—213), что эпизодически обсуждается специалистами. Версия, авторство которой не совсем справедливо приписывается одному из авторов данной статьи (Анфимов, Зеленский 2002: 144—146; Блохин, Петров 2013: 37—50 и др.), на что в литературе уже

⁹ Однако, интересующий нас предмет из погребения 2 кургана 1 группы «Дмитриевская-1» вряд ли является деталью щита.

¹⁰ По крайней мере, так это название статьи приводится в ее русскоязычном резюме.

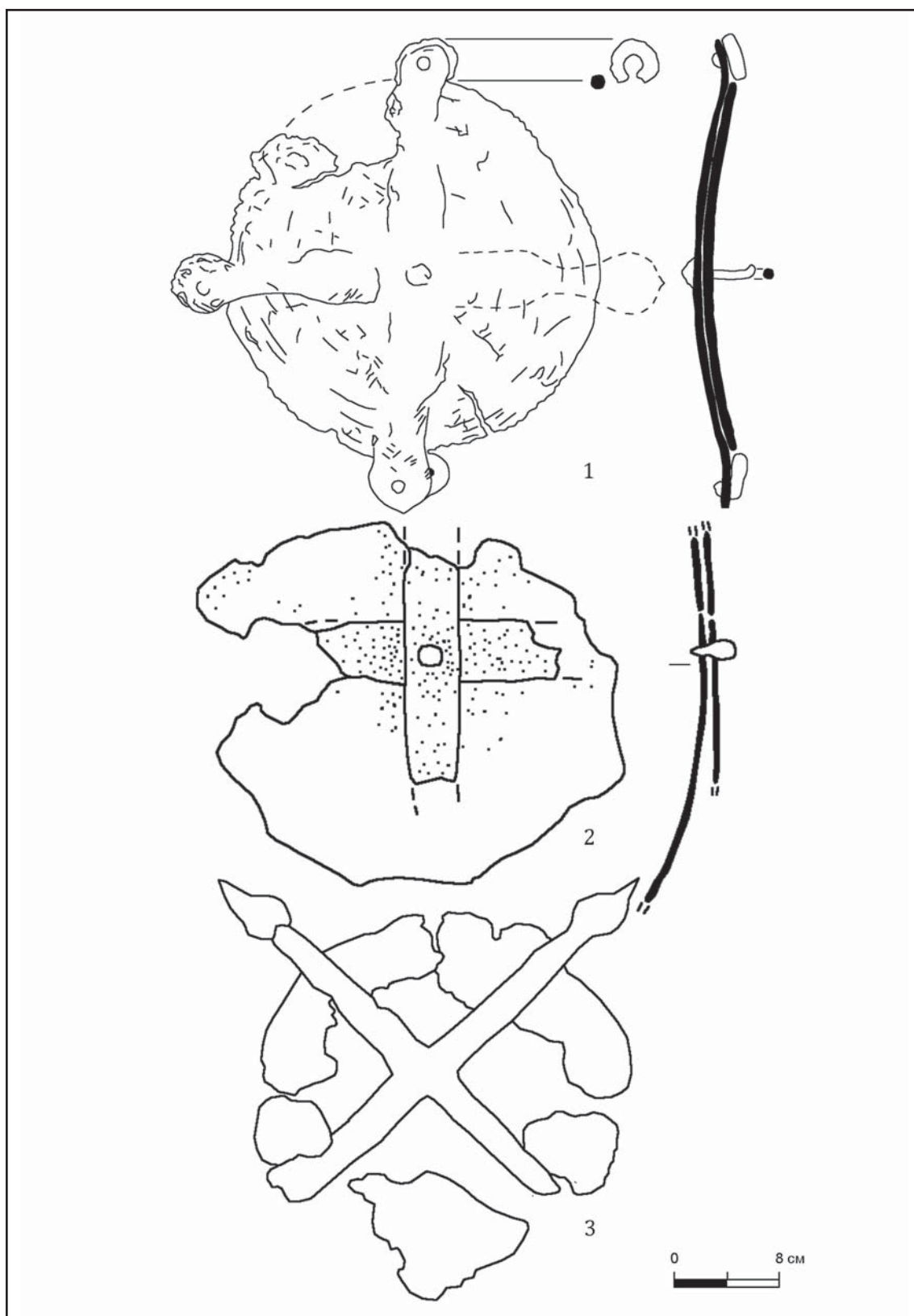

Рис. 14. Умбоны щитов из погребений: 1 — умбон из кургана у пос. «Джубга» (по Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1, 3, 4); 2 — пос. Головинка Краснодарского края (по Ильюков 2010: 17, рис. 1: в); 3 — из-под г. Канева (музей Кракова) (по Dąbrowska 1958: 164, tabl. V: 1).

Fig. 14. Umbons of shields from burials: 1 — umbon from the mound near the village "Dzhubga" (after Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1, 3, 4); 2 — Golovinka of the Krasnodar Krai (after Ильюков 2010: 17, рис. 1: в); 3 — from under the town of Kanev (museum of Krakow) (after Dąbrowska 1958: 164, tabl. V: 1).

указывалось (Нарожный 2003б: 216—217), была, напомним еще один раз, обоснована в 1966 году Г.А. Федоровым-Давыдовым. Исследователь уже тогда предложил гипотезу, основная суть которой сводилась к тому, что именно «в IV (золотоордынский, по его хронологии — *Авт.*) период», черные клобуки переселяются из Поросья на территорию Поднестровья, на Северный Кавказ и в золотоордынское Поволжье (Федоров-Давыдов 1966: 153, 156, карта), подтвердив ее и позднее (Федоров-Давыдов 1968: 61—73). Е.И. Нарожный попытался конкретизировать эту версию, адаптировав ее к нескольким свидетельствам письменных источников начала второй пол. XIII в. и уточнениям А.О. Добролюбского, связав их с незначительным количеством археологического материала на Северном Кавказе черноклобуцкого происхождения (Нарожный 2000: 138—150; 2003б: 212—223 и др.). По ней, темник Ногай был отправлен в 1260-х годах к Дербенту для участия в военно-территориальных притязаниях и военных столкновениях Золотой Орды с Хулагуидами. Вероятно, именно тогда и произошло перемещение на Северный Кавказ значительной части черных клобуков, находившихся в составе возглавляемых Ногаем военных сил, среди которых были и подвластные ему кочевники с территории личного домена Ногай, находившегося в Побужье и Пруто-Поднестровье (Добролюбский 1990: 153—150). Переселение это, однако, вряд ли можно рассматривать только как перемещение «ограниченного воинского контингента» (Анфимов, Зеленский 2002: 144—145). Судя по известным ныне «черноклобуцким» женским украшениям на территории Северного Кавказа (украшения типов IV и V по Г.А. Федорову-Давыдову), такое переселение более реально рассматривать как процесс освоения пространства и новых территорий, когда подобные перемещения не только носили массовый характер, но и осуществлялись целыми «айлами, хогонами, ордами» (Жуковская 1988: 25—30). Черные клобуки и сопутствовавшие им разноэтничные кочевники были размещены не только в районе Дербента, но и в Восточном Придарьялье, а также и на территории Северо-Восточного Причерноморья. Черные клобуки, вероятно, достаточно быстро были втянуты в активные этномиксационные процессы и, скорее всего, были ассимилированы местными тюрками-кочевниками. На такую постановку вопроса указывает, к примеру, выявление в кочевнических памятниках на черноморском побережье

характерных для черных клобуков Поросья, типичных для них элементов погребальных обрядов и сооружений. Речь идет о погребениях типа Б-ХIII (в широкой яме, конь головой на запад, к северу от человека), выявленных в Цемдолинском могильнике (Армарчук, Мальшев 1997: 112; ср.: Федоров-Давыдов 1966: 142, 145). Наблюдение это усиливается уже отмечавшимся соответствием «по длине и кривизне» лезвий сабель из погребений того же Цемдолинского могильника, саблям черноклобуцких прототипов Поросья (Армарчук, Мальшев 1997: 95)¹¹. Заманчиво указать и на публикуемый нами наконечник копья из погребения Мщ-4, 7/3, а также на щит из захоронения Мщ-4, 14/1. Последний, наверное, наряду с остатками щитов, опубликованных М.Л. Стрельченко (1960: 150—151), В.А. Тарабановым, Л.С. Ильюковым (Ильюков 2010: 17, рис. 1: в), Д.Э. Василенко (2008: 276—278, рис. 10; 11: 1; 12: 1—3), Р.Б. Схатумом (Схатум 2003: 223—234, рис. 1—6), М.В. Гореликом (Горелик 2004: 298, рис. 1: 1—6), Л.Э. Голубевым, М.Ю. и Ю.Н. Федосовыми (Голубев 2013: 34—35, рис. 1; Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1), образуют звенья одной цепи. За редким исключением, находки таких щитов достаточно компактно локализуются вдоль прибрежной полосы Черного моря. По своим «конструктивным» особенностям и внешнему облику они вполне сопоставимы с несколькими более ранними их прототипами из кургана 69 Яблоновского могильника и с остатками щита из-под Канева. К тому же, основная их часть связана с некрополями Северо-Восточного Причерноморья, для которых характерна биритуальность. Под ней, на самом деле, следует рассматривать незавершенные процессы синтезных, миксационных этнокультурных явлений, включавших не только сосуществование, но и поэтапное смешение разных погребальных традиций и обрядов, мирно сосуществующих друг с другом. Иными словами, эти этнообразующие процессы вполне могут объяснить наличие в Северо-Восточном

¹¹ Здесь мы вновь сошлемся на результаты статистической обработки кочевнических материалов из курганов Восточной Европы. Среди выводов есть и такие, которые вполне «согласуются с концепцией И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе и Е.И. Нарожного о переселении в середине XIII в. кочевников южнорусского пограничья — черных клобуков на Северный Кавказ». Их же потомки «и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона» (Иванов 2015: 61).

Причерноморье множества могильников, в составе которых под одной курганной насыпью совершались захоронения одной или нескольких лошадей, рядом с которыми находились впускные захоронения людей, совершенные как в грунтовых ямах, так и в каменных ящиках, а также и в виде кремаций в керамических сосудах (Нарожный 2012: 138—143).

Подобное многообразие погребальных обрядов, используемых на минимально коротком отрезке времени, явно указывает на прижизненное существование у их носителей близких, вероятно, кровнородственных связей и социальной однородности. В такой мешанине традиций, за редким исключением, сложно определить наиболее выраженные признаки конкретной этнокультурной принадлежности погребенных. Эти погребения, как правило, не имеют прямых аналогов в кочевнических памятниках Восточной Европы. Но здесь выделяются признаки и группы предметов материальной культуры, дающие определенный повод для трактовки тех или иных захоронений как погребений «местного (автохтонного) населения» или захоронений с ярко выраженными параллелями в погребальных традициях тюрок Евразии. Иногда речь можно вести и о возможной связи с половцами. Аналогичным образом следует указать на эпизодически выявляемые черты черноклобуцкого наследия — помимо уже упоминавшихся параллелей в вооружении (наконечники копий, сабли и щиты) у населения Северо-Восточного Причерноморья, можно указать и на часть украшений из причерноморских могильников. Прежде всего, это серьги или подвески типов IV и V по Г. А. Федорову-Давыдову. Единичные их образцы с территории Северного Кавказа (Нарожный 2000: 140, рис. 2: 1—4; 144, рис. 4; Армарчук, Мальшев 1997: 97—102 и сл.; Армарчук 2006: 216, рис. 1: 1, 2; Армарчук, Дмитриев 2014: 125, рис. 56: 2; 128, рис. 59: 27), весьма быстро вытесненные в новых (причерноморских) условиях заметно распространившимся новым их дериватом — вариантом украшения типа IV (по Г. А. Федорову-Давыдову) — серьги или подвески с дугой металлической бусиной асимметрично-биконической формы. Интересно, что находки таких украшений ныне известны из разных мест, географически тяготеющих только к береговой полосе Причерноморья-Приазовья (Сизов 1889: табл. XIII: 20; Армарчук 2006: 214—220 и сл.; Армарчук, Мальшев 1997: 106, 110, рис. 20:

1; Шишлов 2001: 154, табл. 4; Марченко, Пьянков 2002: 202, рис. 14: 2 и др.)¹². И эти артефакты, несмотря на их слабую статистику — еще одно свидетельство не только в пользу реальности интеграционных процессов, способствовавших медленному, но уверенному и окончательному «растворению» части кочевых переселенцев, вышедших из приграничья Южной Руси и обосновавшихся в регионе и в системе политико-экономического диктата Золотой Орды. В конечном итоге эти процессы полностью «поглотили» черных клобуков и перекочевавших вместе с ними представителей разных сопутствовавших им групп кочевников из Южной Руси. На этом фоне, как представляется, сегодня можно рассматривать и процессы перемещения вместе с указанными мигрантами тех или иных категорий, видов, типов и отдельных образцов вооружения, имевшегося у них еще за пределами Северного Кавказа и до их подчинения монголам. Привнесенные сюда, в Северо-Восточное Причерноморье и сопредельные регионы, такие предметы вооружения, вероятно, в силу целого ряда причин становятся востребованными не только у кочевников, но и у оседлых их соседей по региону, превратившись из специфики регионального масштаба в категории вооружения, заимствованные полиэтничными группами населения Золотой Орды. По крайней мере, это произошло с кочевническими щитами из Поросья, с четырехчастными шлемами и многими другими предметами защитного и наступательного вооружения, привнесенного сюда в рамках всё тех же миграционных и следовавших за ними интеграционных процессов.

¹² Кроме указанного микрорегиона, такие же украшения известны среди пока не опубликованных материалов из курганов «Молокановой щели» под Геленджиком. Есть они также и среди инвентаря неопубликованных погребений грунтового могильника поселения «Железнодорожное-2» эпохи Золотой Орды в Нижнем Закубанье, составляя здесь еще один компактный ареал. Эта категория археологического материала вполне может быть еще одним свидетельством в пользу предполагаемой связи населения Крымского района Краснодарского края с кочевниками Северо-Восточного Причерноморья (Мокрушин, Нарожный, Соков 2016: 221—224; Василенко, Нарожный, Соков 2017: 188).

Литература

- Алексеева Е.П. 1980. О происхождении абазин и расселении их в средние века В: Кобычев В.П. (отв. ред.). *Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии*. Черкесск: КЧНИИ, 14—49.
- Алмазов И.Г., Дзариёва З.В., Чахкиев Д.Ю. 1998. Новые материалы о культовых памятниках позднего средневековья горной Ингушетии и Чечни. В: Чахкиев Д.Ю. (отв. ред.). *Новое в археологии и этнографии Ингушетии*. Нальчик: Эль-фа, 28—45.
- Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. 2002. К вопросу о находках предметов из разрушенного позднечечевического захоронения у станицы Староминской. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *МИА Кубани 2*. Краснодар: КубГУ, 144—147.
- Армарчук Е.А. 2006. «Половецкие серьги». В: Зеленева Ю.А. (отв. ред.). *Средневековая археология евразийских степей*. Материалы и исследования по археологии Поволжья 3. Москва; Йошкар-Ола: МарГУ, 201—231.
- Армарчук Е.А. 2015. Поливная посуда из Белореченских курганов XIV—XV вв. (Северный Кавказ). *РА (2)*, 120—135.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. 2014. *Цемдолинский курганно-грунтовой могильник*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине. В: Мунчаев Р.М. (отв. ред.). *Историко-археологический альманах 3*. Армавир: АКМ; Москва: ИА РАН, 92—114.
- Артюхин Ю.В. 2013. Проблема соотношения факторов, предопределявших возникновение и упадок итальянских колоний на побережье Азовского моря в XIII—XV вв. *Боспорские исследования XXVIII*, 347—362.
- Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.П. 2003. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа. В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 2*. Армавир: АГПУ, 105—111.
- Бгажноков и др. 2016: Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А., Бубенок О.Б., Новичихин А.М. 2016. *Очерки древней и средневековой истории адыгов*. Нальчик: КБИГИ.
- Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И. 2007. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (публикация и интерпретация материала). В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 8*. Армавир: АГПУ, 177—244.
- Березин С.Я., Нарожный Е.И. 2010. О северокавказских участниках Куликовской битвы и их вооружении. *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика 14/7 (18)*, 195—207.
- Березуцкий В.Д. 1989. Новые данные о поздних кочевниках из левобережного Среднего Дона. В: Синюк А.Т. (отв. ред.). *Исследование памятников археологии Восточной Европы*. Воронеж: ВГПИ, 152—162.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. 2003. Средневековые рыцари Кубани. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *МИА Кубани 3*. Краснодар: КубГУ, 184—208.
- Блохин А.Г., Петров П.А. 2013. Средневековые комплексы с височными украшениями из Волгоградского Поволжья. *РА (3)*, 37—50.
- Бочаров С.Г. 2017. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание. В: Крадин Н.Н., Ситдилов А.Г. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй*. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 57—63.
- Василиненко Д.Э. 2007. Средневековый курганный могильник «Носовцева Поляна-1» в долине р. Мацеста (г. Сочи). В: Белинский А.Б. (отв. ред.). *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа VII*. Москва: Памятники исторической мысли, 245—274.
- Василиненко Д.Э. 2008. Средневековый курганный могильник «Медовеевка» в долине р. Мзымта (г. Сочи). В: Нарожный Е.И., Цокур И.В. (отв. ред.). *Наследие Кубани 1*. Краснодар: Наследие Кубани, 268—279.
- Василиненко Д.Э. 2017. Газария за пределами Газарии: к вопросу о характере и интенсивности торговых контактов местного населения Северо-Восточного Причерноморья с итальянскими торговцами. В: Тишкин А.А. (ред.). *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. Сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ, 184—185.
- Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2017а. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений «Железнодорожное», «Железнодорожное» №1 и №2 XIII—XV веков (Крымский район Краснодарский край). В: Тишкин А.А. (ред.). *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. Сборник научных трудов. Барнаул, 186—187.
- Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2017б. Комплекс керамики XIII—XV вв. поселений и могильника в Крымском районе Краснодарского края. В: Тишкин А.А. (ред.). *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. Сборник научных трудов. Барнаул, 188—189.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. 1994. Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия). В: Кирей Н.И. (отв. ред.). *Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар: КубГУ, 68—91.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2001. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани 1*. Краснодар: КубГУ, 124—137.
- Гарустович Г.Н. 2012. *След Великой замятни. Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга*. Уфа: Гилем.
- Голубев Л.Э. 2013. Умбон щита из разрушенного погребения средневекового курганного могильника «Самурские озера-1». В: Улитин В. (отв. ред.). *III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа*. Краснодар: КГИАМЗ, 34—36.
- Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н. 2012. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга-1». В: Мунчаев Р.М. (отв. ред.). *Историко-археологический альманах 11*. Армавир: АКМ; Москва; Краснодар: ИА РАН, 154—174.
- Горелик М.В. 1990. Степной бой (из истории военного

- дела монголо-татар). В: Худяков Ю. С., Плотиных Ю. А. (отв. ред.). *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 155—160.
- Горелик М. В. 2004. Адыги в Южном Поднепровье (2-я пол. XIII — 1-я пол. XIV вв.). В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 4. Армавир: АГПИ, 293—300.
- Горелик М. В. 2008. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным). *Вестник КБИГИ* 15. Нальчик, 158—189.
- Горелик М. В. 2014. Погребение черкесского воина 2-й пол. XIII — 1-й пол. XIV вв. в Поросье. В: Смолій В. А. (відп. ред.). *Історія давньої зброї. Дослідження* (зб. наук. пр.). Київ: Інститут історії НАНУ, 73—88.
- Горелик М. В., Дружинина И. А. 2011. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на р. Белой. *Батыр. Традиционная военная культура населения Евразии* 2 (1). Москва; Казань, 39—63.
- Деревянко Е. И. 1987. *Очерки военного дела племен Приамурья*. Новосибирск: Наука.
- Двуреченский О. В., Барышев А. В., Бирюков П. В. 2012. *Шелом черкасский*. Москва; Тула: ГВИПМЗ «Куликово поле».
- Дмитриев А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В. 2008. Охранно-спасательные исследования в Молокановой щели. В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Центр археологических исследований: отчет по итогам НИР за 2008*. Армавир: ЦАИ АГПИ, 13—21.
- Добролюбовский А. О. 1990. Черные клубки в Побужье и в Поднепровье. *ДСПК* 1, 153—159.
- Дружинина И. А. 2014. О группе погребений в «медных гробах» с территории Северо-Западного Кавказа. В: Токарева Е. П., Лушин В. Г. (отв. ред.). *Штрихи к портретам минувших эпох*. Археология, история, этнография 1. Зимовники: ЗКМ, 263—276.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И. 2011. *Средневековые кочевники в Восточном Приазовье*. Москва; Армавир: ООО «Славянка».
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н. 2013. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святилища Реком. В: Козенкова В. И. (отв. ред.). *Очерки средневековой археологии Кавказа*. Москва: ИА РАН, 73—84.
- Евглевский А. В. 2002. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы второй пол. IX — XIV вв.). В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии* 1. Донецк: ДГУ, 291—335.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М. 2000а. Восточноевропейские позднекочевнические сабли. В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк: ДГУ, 117—180.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М. 2000б. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы. В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк: ДГУ, 181—208.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. 2007. *Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и в эпоху Московского государства*. Москва: Знак.
- Зеленский Ю. В. 1997. Позднекочевническое захоронение со шлемом из степного Прикубанья. *Историко-археологический альманах* 3, 90—92.
- Жуковская Н. Л. 1988. *Категории и символика традиционной культуры монголов*. Москва: Наука.
- Иванов В. А. 1990. *Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII—XIV вв.* Автореф. дис... док. ист. наук. Москва.
- Иванов В. А. 2015. *Кочевники Золотой Орды. История. Культура. Религия*. Уфа: БашГУ.
- Илюков Л. С. 2010. Шлем и щит из окрестностей поселка Головинка. *Былые годы* 15 (1). Сочи, 15—18.
- История татар... 2009: Усманов М. (науч. ред.). 2009. *История татар с древнейших времен в 7 томах*. Т. 3. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ.
- Книга... 1956: *Книга Марко Поло*. 1956. Москва: Государственное издательство географической литературы.
- Козюменко Е. В., Раев Б. А. 2002. Курганы могильника Лобанова щель. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани* 2. Краснодар: КубГУ, 214—256.
- Кравченко С. А. 2016. Посудное стекло из раскопок Азака. В: Ситдинов А. Г. (отв. ред.). *Материалы Первого Маджарского форума*. Пятигорск — Будённовск, 2012 год. Археология евразийских степей 23. Казань: ИА АН РТ, 39—44.
- Крамаровский М. Г. 1985. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII—XIV вв. (по материалам Крыма и Кавказа). В: Луконин В. Г. (науч. ред.). *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Ленинград: ГЭ, 152—180.
- Круглов Е. В. 1990. Новые памятники средневековья в Нижнем Поволжье. В: Мамонтов В. И. (отв. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 1. Волгоград: ВолГПИ, 57—64.
- Круглов Е. В. 2001. Поволжье в половецкое время, XI—XIII вв. В: Скрипкин А. С. (отв. ред.). *Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды*. Каталог. Волгоград: Панорама, 7.
- Кулешов Ю. А. 2010. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения. В: Миргалеев И. М. (отв. ред.). *Золотоордынская цивилизация* 3. Казань: ИИ АН РТ, 73—97.
- Кулешов Ю. А., Абызова Е. В. 2011. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения. В: Миргалеев И. М. (отв. ред.). *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Материалы круглого стола, проведенного в рамках международного Золотоордынского форума. 30 марта 2011 г., г. Казань. Казань: Центр исследований истории Золотой Орды им. М. А. Усманова, 92—100.
- Левашева В. П. 1953. Белореченские курганы. *Тр. ГИМ* XXII, 165—213.
- Мамаев Р. Х. 2016. Об одном типе бронзовых булав, найденных на Северном Кавказе. В: Багаев М. Х., Мамаев Х. М. (отв. ред.). *Изучение и сохранение археологического наследия народов Северного Кавказа. XXIX Крупновские чтения*. Материалы международной научной конференции. Грозный, 18—21 апреля 2016 г. Грозный: ЧГУ, 229—230.
- Мамаев Р. Х. 2017. Из истории изучения булав, найденных на Центральном Кавказе. *Вестник АН ЧР* 36 (3), 53—59.
- Мамаев Х. М., Мамаева Р. А., Мамаев Р. Х. 2016. О новых находках сосудов с надписями из склепового мо-

- гильника «Цой-Пхеде» (Малхиста). В: Кутуев Р.А. (ред.). *Наука и молодежь*. Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов, г. Грозный, 27—28 октября 2016 г. Грозный: ЧГУ, 333—336.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. 2012. Археологические памятники Гудермесского района ЧР. *Вестник АН ЧР* 16 (1). Грозный, 121—130.
- Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. В: Виноградов В.Б. (отв. ред.). *Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии*. Грозный: ЧИНИИСФ, 44—80.
- Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002. Курган №37 могильника Лобанова щель. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани* 2. Краснодар: КубГУ, 168—213.
- Медведев А.Ф. 1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. *СА* (2), 55—60.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2016. О внутренней микротопографии поселения XIII—XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края). В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Ялта; Казань; Кишинев: Stratum Plus, 221—224.
- Монгайт А.Л. 1955. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. *СА XXIII*, 331—338.
- Нарожный Е.И. 2000. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения. В: Пряхин А.Д. (отв. ред.). *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья*. Археология восточноевропейской лесостепи 14. Воронеж: ВГУ, 138—150.
- Нарожный Е.И. 2003а. О половецких изваяниях и святилищах XIII—XIV вв. Северного Кавказа и Дона. В: Евглевский А.В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк: ДГУ, 245—274.
- Нарожный Е.И. 2003б. Половцы или черные клобуки? (по поводу полемических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского). В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *МИА Северного Кавказа* 2. Армавир: АГПИ, 212—223.
- Нарожный Е.И. 2005. *Средневековые кочевники Северного Кавказа*. Армавир: Армавирское полиграфообъединение.
- Нарожный Е.И. 2007а. Чжурчженьские предметы эпохи средневековья на территории Северного Кавказа. *АЭАЕ* 32 (4), 60—64.
- Нарожный Е.И. 2007б. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археология евразийских степей*. Материалы Учредительного съезда международного конгресса. Казань: ИИ АН РТ, 204—212.
- Нарожный Е.И. 2010. К вопросу о происхождении позднесредневековых щитов Северо-Западного Кавказа. *Археологический журнал* III—IV, 94—95.
- Нарожный Е.И. 2012. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья. В: Дроздов Н.И. (отв. ред.). *Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы*. Материалы III международной научно-практической конференции. Красноярск; Кызыл: КГПУ, 138—143.
- Нарожный Е.И. 2017а. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII—XV вв.). В: Крадин Н.Н. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технология и империй*. III международный Конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток, май 2017 г. Владивосток: Дальнаука, 208—213.
- Нарожный Е.И. 2017б. Материалы Первого Маджарского археологического форума (часть 1). *Теория и практика актуальных исследований* 17, 8—17.
- Нарожный Е.И. 2008. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа. В: Двуреченский О.В. (отв. ред.). *Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ* 1. Москва: ГИМ, 42—54.
- Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII—XV вв.) В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 2. Армавир: АГПИ, 126—153.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2007. *Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей*. МИА Северного Кавказа 7. Армавир: АГПУ; Ставрополь: СКМ.
- Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2010. Еще раз о комплексе вооружения из средневекового захоронения у селения Верхний Алкун в горной Ингушетии. В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 11. Армавир, 237—239.
- Нарожный Е.И., Соков П.В. 2014. Могильник №1 золотоордынского поселения «Железнодорожное-1» (Предварительная публикация материалов). В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 14. Армавир; Краснодар: ООО «Кубаньархеология», 138—177.
- Нарожный Е.И., Соков П.В. 2015а. Каменные изваяния из Белоглинского района Краснодарского края. В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 15. Армавир; Краснодар: ООО «Кубаньархеология», 106—123.
- Нарожный Е.И., Соков П.В. 2015б. О колодцах поселения золотоордынского времени «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края). В: Улитин В. (отв. ред.). *V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа*. Материалы международной конференции. Краснодар: Традиция, 175—180.
- Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. 1985. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Земли Южной Руси IX—XIV вв.* Киев: Наукова думка, 41—60.
- Парусимов И.Н. 2007. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Средневековые древности Дона*. МИА Дона 2. Москва; Иерусалим: Мосты культуры, 312—324.
- Пьянков А.В. 2002. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III—XIII вв. В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Материалы X международной научной конференции. 29 мая — 3 июня 2001 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: РГУ, 67—69.

- Пьянков А. В., Хачатурова Е. А. 2010. К хронологии Убинского могильника. В: Мужухоев М. Б. (ред.). *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северо-Восточного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа*. Тезисы докладов международной научной конференции. Магас, 26—30 апреля 2010 г. Магас: Ингушский археологический центр им. Е. И. Крупнова, 301—303.
- Плетнева С. А. 1973. *Древности черных клобуков*. САИ Е1—19. Москва: Наука.
- Путешествия... 1957: Шастина Н. П. (ред.). 1957. *Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрика*. Москва: Государственное издательство географической литературы.
- Савенко С. Н. 2016. Погребение XIII—XIV с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации. В: Прокопенко Ю. А. (отв. ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа 9*. Ставрополь, 104—113.
- Сизов В. И. 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. В: Уварова П. С. (отв. ред.). МАК II. Москва.
- Стрельченко М. Л. 1960. Вооружение адыгских племен в X—XIV веках (по материалам Убинского могильника). В: Давиденко И. И. (отв. ред.). *Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края 1*. Краснодар, 140—157.
- Саханев В. В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК 56. Петроград: Типография Главного управления уделов, 75—219.
- Схатум Р. Б. 2003. Щит в системе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *МИА Кубани 3*. Краснодар: КубГУ, 223—234.
- Схатум Р. Б. 2011. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая пол. XIII — XIV вв.). В: Двуреченский О. В. (отв. ред.). *Военная археология 2*. Москва: ГИМ, 189—201.
- Схатум Р. Б. 2012. Предметы вооружения Убинского могильника (общая характеристика и датировка). В: Еременко А. (отв. ред.). *Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Северо-Западного Кавказа*. Краснодар: КГИАМЗ, 58—65.
- Схатум Р. Б., Дымченко В. М. 2003. Шлем из кургана №24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция. В: Берлизов Н. Е. (отв. ред.). *Магистериум. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музеологии КГУКИ 1*. Краснодар: КГУКИ, 29—35.
- Сытый Ю. Н., Скорород В. Н. 2014. Находки предметов вооружения как свидетельство погромов городищ в селах Выползов и Шестовица (к постановке проблемы). В: Бурцев И. Г. (сост.). *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья*. Тула: Куликово поле, 62—71.
- Тарабанов В. А. 1984. Средневековые погребения Ленинохальского могильника (по раскопкам 1975 года). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 164—173.
- Тишкин А. А. 2009. *Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников)*. Барнаул: Азбука.
- Толочко П. П. 2003. *Кочевые народы степей и Киевская Русь*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Успенский П. С. 2013. Могильники с трупосожжениями VIII—XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда). *РА (4)*, 86—98.
- Успенский П. С. 2012. Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII—XIII вв. *КСИА 226*, 188—196.
- Успенский П. С. 2015. *Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII—XIII вв. как исторический источник*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Успенский П. С. и др. 2013: Успенский П. С., Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В. 2013. Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая роща. *КСИА 231*, 151—153.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1968. *Курганы, идолы, монеты*. Москва.
- Хачатурова Е. А. 2012. К истории исследования Убинского могильника по материалам архива Краснодарского музея-заповедника. В: Еременко А. Г. (отв. ред.). *Первые Анфимовские чтения. К 70-летию исследования Убинского могильника*. Материалы межрегионального круглого стола. Краснодар, 9 июня 2011 г. Краснодар: Вика-Принт, 92—97.
- Чакхчиев Д. Ю. 1987. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов. В: Виноградов В. Б. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 67—78.
- Чакхчиев Д. Ю., Нарожный Е. И. 1990. Погребение знатного горского воина нач. XV в. из сел. Верхний Алкун (Горная Ингушетия). В: Худяков Ю. С., Плотников В. А. (отв. ред.). *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 129—140.
- Черненко Е. Е. 2016. Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований. *Stratum plus (5)*, 83—98.
- Шалобудов В. Н., Кудрявцева И. В. 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Курганы степного Поднепровья*. Днепропетровск: ДНГУ, 90—97.
- Шишлов А. В. 2001. Раскопки средневекового кургана у горы Попова. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Археологические исследования на новостройках Краснодарского края 1*. Краснодар: Наследие Кубани, 149—154.
- Щербakov А., Дзысь И. 2001. *Куликовская битва. 1380 год*. Москва: Экспринт.
- Bobrov L. A., Salnikov A. V. 2017. "Circassian Armor" in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV — mid XIX centuries. *Bylye Gody 45 (3)*, 727—753.
- D'Amato R. 2015. Old and new Evidence on the Radt-Roman Helmets from 9th to the 12th Centuries. *Acta Militaria Mediaevalia XI*, 27—157.
- Dąbrowska E. 1958. Kurhany Rassawskie. *Archeologia VIII, Z.1. Warszawa*, 122—167.
- Gołębiowska-Tobiasz A. 2014. Kontakty polowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych. In: Nagirny V. (ed.). *Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources. Colloquia Russica. Series 1. Vol. 4. Rurikids in*

- Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th—16th c.)*. Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14—16th November 2013). Kraków, 116—135.
- Kaminska M. 2013. Archeologiczne świadectwa najazdów mongolskich na miasta ruskie w XIII—XIV w.: *Technologies and Empires*. Vladivostok: “Dal’nauka” Publ., 57—63 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E. 2007. In Belinskii, A.B. (ed.). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul’turnogo nasledia Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* VII. Moscow: “Pamiatniki istoricheskoi mysli” Publ., 245—274 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E. 2008. In Narozhnyi, E.I., Tsokur, I.V. (eds.). *Nasledie Kubani (Kuban Heritage)* 1. Krasnodar: “Nasledie Kubani” Publ., 268—279 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E. 2017. In Derevianko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s’ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)*. Barnaul: Altai State University, 184—185 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E., Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2017. In Derevianko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s’ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)*. Barnaul: Altai State University, 186—187 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E., Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2017. In Derevianko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s’ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)*. Barnaul: Altai State University, 188—189 (in Russian).
- Vinogradov, V.B., Narozhnyi, E.I. 1994. In Kirei, N.I. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus)*. Krasnodar: Kuban State University, 68—91 (in Russian).
- Vinogradov, V.B., Narozhnyi, E.I., Narozhnaia, F.B. 2001. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhеologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 1. Krasnodar: Kuban State University, 124—137 (in Russian).
- Garustovich, G.N. 2012. *Sled «Velikoi ziamiatni». Mestonakhzhdenie XIV veka u derevni Brig-Alga (The Trace of the “Great Troubles”: the 14th Century Site near the Brig-Alga Village)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
- Golubev, L.E. 2013. In Ulitin V. (ed.). *Pamiatniki rannego khristianstva na Zapadnom Kavkaze. III Anfimovskie chteniia po arkhеologii Zapadnogo Kavkaza. K 1025-letiiu kreshcheniia Rusi (Early Christian Sites in Western Caucasus. 3rd Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus. To the Anniversary of 1025 Years from the Christianization of Rus’)*. Krasnodar: “Vika-Print” Publ., 34—36 (in Russian).
- Golubev, L.E., Fedosov, M. Yu., Fedosova, Yu.N. 2012. In Munchaev, R.M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-Archaeological Almanac)* 11. Armavir: Armavir Regional Museum; Moscow; Krasnodar: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 154—174 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 1990. In Khudyakov, Yu. S., Plotnikov, Yu.A. (eds.). *Voennoe delo drevnei i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Warfare of Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 155—160 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2004. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhеologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 4. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 293—300 (in Russian).
- Alekseeva, E.P. 1980. In Kobychiev, V.P. (ed.). *Problemy etnicheskoi istorii narodov Karachaevo-Cherkessii (Issues of the Ethnic History of the Karachay-Circassian Peoples)*. Cherkessk: Karachay-Circassian Research Institute, 14—49 (in Russian).
- Almazov, I.G., Dzarieva, Z.V., Chakhkiev, D. Yu. 1998. In Chakhkiev, D. Yu. (ed.). *Novoe v arkhеologii i etnografii Ingushetii (Recent Developments in Archaeology and Ethnography of Ingushetia)*. Nalchik: “El’-Fa” Publ., 28—45 (in Russian).
- Anfimov, I.N., Zelenskii, Yu.V. 2002. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhеologii Kubani (Materials and Studies in the Archaeology of Kuban)* 2. Krasnodar: Kuban State University, 144—147 (in Russian).
- Armarchuk, E.A. 2006. In Zelenev, Yu.A. (ed.). *Srednevekovaiia arkhеologia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhеologii Povolzh’ia 3. Moscow; Yoshkar-Ola: Mari State University, 201—231 (in Russian).
- Armarchuk, E.A. 2015. In Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology) (2), 120—135 (in Russian).
- Armarchuk, E.A., Dmitriev, A.V. 2014. *Tsem dolinskii kurganogruntovyi mogil’nik (The Tsem dolina Barrow and Plain Necropolis)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).
- Armarchuk, E.A., Malyshev, A.A. 1997. In Munchaev, R.M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii almanakh (Historical-Archaeological Almanac)* 3. Armavir: Armavir Regional Museum; Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 92—114 (in Russian).
- Artukhin, Yu. V. 2013. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XXVIII, 347—362 (in Russian).
- Basov, V.I., Narozhnyi, E.I., Tikhonov, M.P. 2003. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhеologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 2. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 105—111 (in Russian).
- Bgazhnokov, B. Kh., Fomenko, V.A., Bubenok, O.B., Novichikhin, A.M. 2016. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii adygov (Essays on the Ancient and Medieval History of Circassians)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Berezin, S. Ya., Berezin, Ya.B., Narozhnyi, E.I. 2007. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhеologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 8. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 177—244 (in Russian).
- Berezin, S. Ya., Narozhnyi, E.I. 2010. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiia, ekonomika, informatika (Scientific Bulletin of the Belgorod State University. History, Political Sciences, Economics, Informatics Series)* 14—7 (18), 195—207 (in Russian).
- Berezutskii, V.D. 1989. In Siniuk, A.T. (ed.). *Issledovanie pamiatnikov arkhеologii Vostochnoi Evropy (Studying Archaeological Sites of Eastern Europe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 152—162 (in Russian).
- Blokhin, V.G., D’iachenko, A.N., Skripkin, A.S. 2003. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhеologii Kubani (Materials and Studies in the Archaeology of Kuban)* 3. Krasnodar: Kuban State University, 184—208 (in Russian).
- Blokhin, A.G., Petrov, P.A. 2013. In Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology) (3), 37—50 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In Kradin, N.N., Sitdikov, A.G. (eds.). *Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul’tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures,*

- Gorelik, M. V. 2008. In *Vestnik KBIGI (Bulletin of the Kabardino-Balkarian Research Institute for Humanities)* 15. Nalchik, 158—189 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2014. In Smolij, V. A. (ed.). *Istoriya davn'oi zbroi. Doslidzhennii (History of Ancient Weapons: Research)*. Kiev: Institute of History, National Academy of Sciences of Ukraine, 73—88 (in Russian).
- Gorelik, M. V., Druzhinina, I. A. 2011. In *Batyr: Traditsionnaia voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 2 (1). Moscow; Kazan, 39—63 (in Russian).
- Derevianko, E. I. 1987. *Ocherki voennogo dela plemen Priamur'ia (Essays on Warfare of the Amur Basin Tribes)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Dvurechenskii, O. V., Baryshev, A. V., Biriukov, P. V. 2012. *Shelom cherkasskii (The Circassian Helmet)*. Moscow; Tula: State Museum-Reserve for Military History and Nature "Kulikovo Field" (in Russian).
- Dmitriev, A. V., Narozhnyi, E. I., Sokov, P. V. 2008. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Tsentr arkhеологических исследований: otchet po itogam NIR za 2008 g. (Center of Archaeological Studies: Report on Scientific and Research Works in 2008)*. Armavir: Center of Archaeological Studies, Armavir State Pedagogical Institute, 13—21 (in Russian).
- Dobroliubskii, A. O. 1990. In *Drevnosti stepnogo Prichernomoria i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* 1, 153—159 (in Russian).
- Druzhinina, I. A. 2014. In Tokareva, E. P., Lushin, V. G. (eds.). *Shtrikhi k portretam minuvshikh epokh. Arkheologiya, istoriya, etnografiya (Strokes to Portraits of Past Eras: Archaeology, History, Ethnography)* 1. Zimovniki: Zimovniki Museum of Local Studies, 263—276 (in Russian).
- Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekovye kочевники v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore)*. Moscow; Armavir: "Slavianska" Ltd. Publ. (in Russian).
- Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N. 2013. In Kozenkova, V. I. (ed.). *Ocherki srednevekovoi arkheologii Kavkaza. K 85-letiiu so dnia rozhdeniia V. A. Kuznetsova (Essays on Medieval Archaeology of the Caucasus: for 85th Birthday of V. A. Kuznetsov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 73—84 (in Russian).
- Evglevskii, A. V. 2002. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Research in Archaeology)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 291—335 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 117—180 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 181—208 (in Russian).
- Zav'yalov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2007. *Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskii period i epokhu Moskovskogo gosudarstva (Russian Smithery in the Golden Horde and the Moscow State Periods)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).
- Zelenskii, Yu. V. 1997. In *Istoriko-arkheologicheskii almanakh (Historical-Archaeological Almanac)* 3, 90—92 (in Russian).
- Zhukovskaia, N. L. 1988. *Kategorii i simbolika traditsionnoi kul'tury mongolov (Categories and Symbolism of Traditional Culture of Mongols)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ivanov, V. A. 1990. *Etnicheskie protsessy v stepnoi i lesostepnoi polose Iuzhnogo Urala i Priural'ia v VII—XIV vv. (Ethnic Processes in the Steppe and Forest-Steppe Zone of the Southern Ural and Cis-Urals in 7th—14th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2015. *Kочевники Золотой Орды. Историю. Култура. Религия (Nomads of the Golden Horde: History, Religion, and Culture)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
- Il'iukov, L. S. 2010. In *Bylye gody (Bylye gody)* 15 (1). Sochi: Sochi State University, 15—18 (in Russian).
- Usmanov M. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7 tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* 3. Uls Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries). Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kniga Marko Polo (Book of the Marvels of the World by Marco Polo)*. 1956. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).
- Koziumentko, E. V., Raev, B. A. 2002. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 2. Krasnodar: Kuban State University, 214—256 (in Russian).
- Kravchenko, S. A. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Materialy Pervogo Madzharskogo foruma (Transactions of the 1st Major Forum)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 39—44 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 1985. In Lukonin, V. G. (ed.). *Khudozhestvennye pamiatniki i problemy kul'tury Vostoka (Art Monuments and Issues of Oriental Culture)*. Leningrad: State Hermitage Museum; "Iskusstvo" Publ., 152—180 (in Russian).
- Kruglov, E. V. 1990. In Mamontov, V. I. (ed.). *Drevnosti Volgodoonskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State Pedagogical Institute, 57—64 (in Russian).
- Kruglov, E. V. 2001. In Skripkin, A. S. (ed.). *Kul'tura srednevekovykh kочевников i gorodov Zolotoi Ordy. Katalog (Culture of Medieval Nomads and Golden Horde Towns: Catalogue)*. Volgograd: "Panorama" Publ., 7 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A. 2010. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* 3. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 73—97 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A., Abyzova, E. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniia (Golden Horde Warfare: Issues and Future Studies)*. Kazan: M. A. Usmanov Center for Golden Horde History Studies, 92—100 (in Russian).
- Levasheva, V. P. 1953. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XXII, 165—213 (in Russian).
- Mamaev, R. Kh. 2016. In Bagaev, M. Kh., Mamaev, Kh. M. (eds.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo nasledii narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie Chteniia (Studying and Conservation of Archaeological Heritage of the Caucasian Peoples: 29th Krupnov Readings)*. Grozny: The Chechen State University, 229—230 (in Russian).
- Mamaev, R. Kh. 2017. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 36 (3), 53—59 (in Russian).
- Mamaev, Kh. M., Mamaeva, R. A., Mamaev, R. Kh. 2016. In Kutuev, R. A. (ed.). *Nauka i molodezh' (Science and the Youth)*. Grozny: Chechen State University, 333—336 (in Russian).
- Mamaev, Kh. M., Mamaev, R. Kh., Narozhnyi, E. I. 2012. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 16 (1). Grozny, 121—130 (in Russian).
- Mamaev, Kh. M., Chakhkiev, D. Yu., Dautova, R. A. 1983. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Novye arkheologicheskie materialy po srednevekovoi istorii Checheno-Ingushetii (Recent Archaeological Studies on the Medieval History of Chechenia-Ingushetia Peoples)*. Grozny: Chechenia-Ingushetia Research Institute for Physics of Civil Engineering, 44—80 (in Russian).
- Marchenko, I. I., P'iankov, A. V. 2002. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 2. Krasnodar: Kuban State University, 168—213 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 55—60 (in Russian).
- Mokrushin, V. P., Narozhnyi, E. I., Sokov, P. V. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaya geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiatii G. A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden*

- Horde. *Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 221—224 (in Russian).
- Mongait, A.L. 1955. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXIII, 331—338 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2000. In Priakhin, A.D. (ed.). *Evrasiiskaia step' i le-sostep' v epokhu rannego srednevekov'ia (Eurasian Steppe and Forest-Steppe in the Early Middle Ages)*. Series: Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe) 14. Voronezh: Voronezh State University, 138—150 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2003. In Evglevskii, A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk State University, 245—274 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2003. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 2. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 212—223 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2005. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza. (Nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimovozdeistviia epokhi Zolotoi Ordy) (Medieval Nomads of the Northern Caucasus: Some Discussion Problems of Ethnic and Cultural Interactions of the Golden Horde Epoch)*. Armavir: "Armavirskoe poligrafob"edinenie" Publ. (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2007. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 32 (4). Novosibirsk, 60—64 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 204—212 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2010. In *Arkheologicheskii zhurnal (Archaeological Journal)* III—IV, 94—95 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2012. In Drozdov, N.I. (ed.). *Kochevyie tsvilzatsii narodov Tsentral'noi i Severnoi Azii: istoriia, sostoianie, problemy (Nomadic Civilizations of the Peoples of Central and Northern Asia: History, State, Issues)*. Krasnoyarsk; Kyzyl: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 138—143 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2017. In Kradin, N.N. (ed.). *Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 208—213 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2017. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani (Theory and Practice of Archaeological Research)* 17, 8—17 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2008. In Dvurechenskii, O.V. (ed.). *Voennaia arkheologiya (Military Archaeology)* 1. Moscow: State Historical Museum, 42—54 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Chakhkiev, D. Yu. 2003. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 2. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 126—153 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Okhon'ko, N.A. 2007. *Novopavlovskii mogil'nik XIV v. v sisteme evraziiskikh drevnostei (The Novopavlovsky Burial Ground of 14th Century in the System of Eurasian Antiquities)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus) 7. Armavir: Armavir State Pedagogical University; Stavropol: Stavropol Museum of Local Studies (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Chakhkiev, D. Yu. 2010. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 11. Armavir, 237—239 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2014. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 14. Armavir; Krasnodar: "Kuban'arkheologiya" Ltd. Publ., 138—177 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2015. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 15. Armavir; Krasnodar: "Kuban'arkheologiya" Ltd. Publ., 106—123 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2015. In Ulitin V. (ed.). *V Anfimovskie chteniia po arkheologii Zapadnogo Kavkaza (5th Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus)*. Krasnodar: "Traditsiya" Publ., 175—180 (in Russian).
- Orlov, R.S., Motsia, A.P., Pokas, P.M. 1985. In Tolochko, P.P. (ed.). *Zemli Iuzhnoi Rusi v IX—XIV vv. (Southern Russian Lands in 9th—14th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 41—60 (in Russian).
- Parusimov, I.N. 2007. In Guguev, Yu.K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) 2. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 312—324 (in Russian).
- P'iankov, A.V. 2002. In Kopylov, V.P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in the Antiquity and in the Middle Ages)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 67—69 (in Russian).
- P'iankov, A.V., Khachaturova, E.A. 2010. In Muzhukhoev, M.B. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza (Problems of Chronology and Periodization of the Archaeological Sites and Cultures of Northern Caucasus. The 26th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus)*. Magas: Ingush Archaeological Center named after E.I. Krupnov, 301—303 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chorni Klobuky)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shastina, N.P. (ed.). 1957. *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).
- Savenko, S.N. 2016. In Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the History of Culture of Peoples of the Northern Caucasus)* 9. Stavropol, 104—113 (in Russian).
- Sizov, V.I. 1889. In Uvarova, P.S. (ed.). *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the Archaeology of the Caucasus)* II. Moscow (in Russian).
- Strel'chenko, M.L. 1960. In Davidenko, I.I. (ed.). *Nash kraj. Materialy po izucheniiu Krasnodarskogo kraia (Our Country: Materials for Studying the Krasnodar Kray)* 1. Krasnodar: "Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 140—157 (in Russian).
- Sakhanov, V.V. 1914. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 56. Petrograd: Typography of the Chief Department of Appanages, 75—219 (in Russian).
- Skhatum, R.B. 2003. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Studies in the Archaeology of Kuban)* 3. Krasnodar: Kuban State University, 223—234 (in Russian).
- Skhatum, R.B. 2011. In Dvurechenskii, O.V. (ed.). *Voennaia arkheologiya (Military Archaeology)* 2. Moscow: State Historical Museum, 189—201 (in Russian).
- Skhatum, R.B. 2012. In Eremenko, A. (ed.). *Vtorye «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Severo-Zapadnogo Kavkaza (2nd Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus)*. Krasnodar: Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, 58—65 (in Russian).
- Skhatum, R.B., Dymchenko, V.M. 2003. In Berlizov, N.E. (ed.). *Magisterium. Sbornik nauchnykh trudov aspirantov i studentov kafedry istorii i muzeovedeniia KGUKI (Magisterium: Collected Scientific Papers of PhD and Graduate Students, Chair of History and Museum Studies, Krasnodar State University for Humanities and Arts)* 1. Krasnodar: Krasnodar State University for Humanities and Arts, 29—35 (in Russian).
- Sytyi, Yu.N., Skorokhod, V.N. 2014. In Burtsev, I.G. (comp.). *Voinskie traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ia (Warrior Traditions in*

- the Archaeological Context: from Late La-Tène to the Late Middle Ages). Tula: State Museum-Reserve "Kulikovo Field", 62—71 (in Russian).
- Tarabanov, V.A. 1984. In *Voprosy arkhologii Adygei (Questions of Archaeology of Adygeya)*. Maykop, 164—173 (in Russian).
- Tishkin, A.A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Time: on the Materials of Archaeological Sites)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- Tolochko, P.P. 2003. *Kochevye narody stepei i Kievskaya Rus' (Nomadic People of the Steppes and Kiev Rus')*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Uspenskii, P.S. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 86—98 (in Russian).
- Uspenskii, P.S. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226, 188—196 (in Russian).
- Uspenskii, P.S. 2015. *Krematsionnye pogrebeniia Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII—XIII vv. kak istoricheskii istochnik (Burials with Cremation in the Northwestern Caucasus, 8th—13th Centuries, as Historical Source)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Uspenskii, P.S., Dobrovol'skaia, M. V., Kleshchenko, E. A., Shishlov, A. V., Fedorenko, N. V. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 231, 151—153 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1968. *Kurgany, idoly, monety (Barrows, Idols, Coins)*. Moscow (in Russian).
- Khachaturova, E.A. 2012. In Eremenko, A.G. (ed.). *Pervye Anfimovskie chteniia. K 70-letiiu issledovaniia Ubinskogo mogil'nika (1st Anfimov Readings: 70 Years of Studies on the Uba Burial Ground)*. Krasnodar: "Vika-Print" Publ., 92—97 (in Russian).
- Chakhkiev, D. Yu. 1987. In Vinogradov, V.B. (ed.). *Novye materialy po arkhologii i etnografii Checheno-Ingushetii (New Materials on the Archaeology and Ethnography of Chechnya-Ingushetia)*. Grozny: "Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 67—78 (in Russian).
- Chakhkiev, D. Yu., Narozhnyi, E. I. 1990. In Khudiakov, Yu. S., Plotnikov, V.A. (ed.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Warfare of Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 129—140 (in Russian).
- Chernenko, E.E. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 83—98 (in Russian).
- Shalobudov, V.N., Kudriavtseva, I. V. 1980. In Kovaleva, I.F. (ed.). *Kurgany stepnogo Podneprov'ia (Kurgans of Steppe Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 90—97 (in Russian).
- Shishlov, A.V. 2001. In Raev, B.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Krasnodarskogo kraia (Rescue Archaeological Investigations in the Krasnodar Kray)* 1. Krasnodar: "Nasledie Kubani" Publ., 149—154 (in Russian).
- Shcherbakov A., Dzys' I. 2001. *Kulikovskaya bitva. 1380 god (Kulikovo Battle: 1380)*. Moscow: "Eksprint" Publ. (in Russian).
- Bobrov, L.A., Salnikov, A.V. 2017. "Circassian Armor" in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV — mid XIX centuries. *Bylye Gody* 45 (3), 727—753.
- D'Amato, R. 2015. Old and new Evidence on the Radt-Roman Helms from 9th to the 12th Centuries. *Acta Militaria Mediaevalia* XI, 27—157.
- Dąbrowska, E. 1958. *Kurhany Rassawskie. Archeologia* VIII, Z.1. Warszawa, 122—167.
- Gołębiowska-Tobiasz, A. 2014. Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych. In Nagirny, V. (ed.). *Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources. Solloquia Russica. Series 1. Vol. 4. Rurikids in Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th—16th c.)*. Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14—16th November 2013). Kraków, 116—135.
- Kaminska, M. 2013. Archeologiczne świadectwa najazdów mongolskich na miasta ruskie w XIII—XIV w.: rzeczywistość a stereotypy historiograficzne. In Nagirny, V. (ed.). *Solloquia Russica. Series 1. Vol. 3. Rus' during the epoch of mongol invasions (1223—1480)*. Publication after 3th International Conference (Warsaw, 15—17th November 2012). Kraków, 29—37.

Список сокращений

ААМ КГУ	— Архив Археологического музея Казанского государственного университета. Казань.
АВЕС	— Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АГПА	— Армавирская государственная педагогическая академия. Армавир.
АГПИ	— Армавирский государственный педагогический институт. Армавир.
АГПИ	— Астраханский государственный педагогический институт. Астрахань.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АГУ	— Актобинский региональный государственный университет имени К. Жубанова. Актобе.
АГУ	— Астраханский государственный университет. Астрахань.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АИК	— Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков.
АКМ	— Армавирский краеведческий музей. Армавир.
АлГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АмГУ	— Амурский государственный университет. Благовещенск.
АН	— Академия наук.
АН КазССР	— Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата.
АН РБ	— Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Москва.
АН ЧР	— Академия наук Чеченской республики. Грозный.
АНИИЭЯЛИ	— Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. Майкоп.
АНСК	— Археологическое наследие Саратовского края. Саратов.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БашГПИУ	— Башкирский государственный педагогический университет. Уфа.
БГИАМЗ	— Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Болгар.
БГУ	— Бурятский государственный университет. Улан-Удэ.
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
БНЦ УрО АН СССР	— Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР. Уфа.
БФ СО АН СССР	— Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР. Улан-Удэ.
БФАН СССР	— Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
ВА	— Вестник антропологии. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАГС	— Волгоградский филиал Академии государственной службы. Волгоград.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГПУ	— Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГПИ	— Волгоградский государственный педагогический институт. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВСКИ	— Вопросы северокавказской истории. Армавир.
ВУАК	— Воронежская ученая архивная комиссия.
ВУАЭ	— Волго-Уральская археологическая экспедиция АН СССР.
ВФ РАНХиГС	— Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Волгоград.
ГАГУ	— Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГАСК	— Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области. Саратов.
ГВИПМЗ	— Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ / ГМИНВ	— Государственный музей искусств народов Востока. Москва.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГУП	— Государственное унитарное предприятие.

ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Биляра. Казань.
ДВНЦ АН СССР	— Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. Владивосток.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток.
ДГУ / ДонГУ	— Донецкий государственный университет. Донецк.
ДнГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК / ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕНУ	— Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана.
ЗабГУ	— Забайкальский государственный университет. Чита.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗИАН	— Записки Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ЗКАЭ	— Западно-Казахстанская археологическая экспедиция.
ЗКМ	— Зимовниковский краеведческий музей. Зимовники.
ЗНУ	— Запорожский национальный университет. Запорожье.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА КН МОН РК	— Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИД	— Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК	— Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ИАИ	— Известия Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИГ СО РАН	— Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук. Иркутск.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИАЭ ДВО РАН	— Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИФФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск.
ИМБТ СО РАН	— Институт буддологии, тибетологии и монголоведения Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
ИМФ АН СССР	— Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. Кишинев.
ИНК	— Историческое наследие Крыма. Симферополь.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИФЖ	— Историко-филологический журнал. Ереван.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Москва.
ИЯЛИ КНЦ РАН	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, Казанский научный центр Российской Академии наук. Казань.
ИЯЛИ КФАН СССР	— Институт языка, литературы и истории, Казанский филиал Академии наук СССР. Казань.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІМФЕ	— Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського Національної Академії наук України. Київ.
КалмГУ	— Калмыцкий государственный университет. Элиста.
КАЭ	— Кавказская археологическая экспедиция.
КАЭЭ	— Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КБИГИ	— Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Нальчик.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар.
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт. Куйбышев.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
КГУКИ	— Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар.
КИУ	— Казанский Императорский университет. Казань.

ККАЭЭ	— Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск.
КНИИ ИФЭ	— Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики. Элиста.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСКДА	— Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КузГТУ	— Кузбасский государственный технический университет. Кемерово.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Москва.
МАО	— Императорское Московское археологическое общество. Москва.
МарГУ	— Марийский государственный университет. Йошкар-Ола.
МарНИИЯЛИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МАРХИ	— Московский архитектурный институт. Москва.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГИКЗ	— Мангистауский государственный историко-культурный заповедник. Актау.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАП	— Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МИИKN СК	— Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва; Ленинград.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд.
МНК	— Международная нумизматическая конференция.
МНПК	— Международная научно-практическая конференция.
МОН РК РК	— Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана / Нур-Султан.
МЮКАЭ	— Материалы Южно-крымской археологической экспедиции. Санкт-Петербург; Симферополь.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК	— Научный архив Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
НА НЗХТ	— Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИГН	— Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск.
НИИЯЛИ ЯАССР	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР. Якутск.
НМ РТ	— Национальный музей Республики Татарстан. Казань.
ННГУ	— Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород.
НОА ИА РАН	— Научно-отраслевой архив Института археологии Российской Академии наук. Москва.
НФ МА РТ	— Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан. Казань.
НЭ / НиЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОмГПУ	— Омский государственный педагогический университет. Омск.
ОмГУ	— Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАЭ ИА АН СССР	— Поволжская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР.
ПАЭ МарГУ	— Поволжская археологическая экспедиция Марийского государственного университета.
ПГГПУ	— Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Пермь.
ПГПУ	— Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Пенза.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РГУ	— Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону.
РИО	— редакционно-издательский отдел.
РМСАЭ	— Российско-монгольская совместная археологическая экспедиция.

РО НА ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
РЦСЭ МЮ РФ	— региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СамГПУ	— Самарский государственный педагогический университет. Самара.
СВ	— Средние века. Москва.
СВКНИИ ДВО РАН	— Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Магадан.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
СЕЭС	— Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
СКФУ	— Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Москва; Санкт-Петербург / Ленинград.
СМОПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СО	— Сибирское отделение.
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск.
СОИМК	— Самарский областной историко-краеведческий музей. Самара.
СОМК / СМК	— Саратовский областной музей краеведения. Саратов.
СОРГО	— Сибирский отдел Русского географического общества. Иркутск.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАК	— Саратовская [губернская] учёная архивная комиссия. Саратов.
СФУ	— Сибирский федеральный университет. Красноярск.
ТашГУ	— Ташкентский государственный университет. Ташкент.
ТБАЭ	— Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва.
ТКГПИ	— Труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев.
ТОКМ	— Тамбовский областной краеведческий музей. Тамбов.
ТомГУ	— Томский государственный университет. Томск.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТувГУ	— Тувинский государственный университет. Кызыл.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УдНИИ	— Удмуртский научно-исследовательский институт. Ижевск.
УЗ ХакНИИЯЛИ	— Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан.
УзЧНИИ	— Учёные записки Чувашского научно-исследовательского института. Чебоксары.
УИИЯЛ УрО РАН	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск.
УТОПК	— Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФБУ	— Федеральное бюджетное учреждение.
ХакНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХАЭЭ АН СССР	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР.
ЦАИ АГПА	— Центр археологических исследований Армавирской государственной педагогической академии. Армавир.
ЦАИ АГПИ	— Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического института. Армавир.
ЧГИГН	— Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.
ЧГКМ	— Челябинский государственный краеведческий музей. Челябинск.
ЧГУ	— Чеченский государственный университет. Грозный.
ЧГУ	— Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. Чебоксары.
ЧИНИИСФ	— Чечено-Ингушский государственный научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Грозный.
ЭКМ	— Энгельсский краеведческий музей. Энгельс.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
BHAMR	— Bolgar Historical and Architectural Museum-Reserve. Bolgar.
IEA RAS	— Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. Moscow.
IPOS / IPND SB RAS	— Institute for Problems of Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Tyumen.
NM RT	— National Museum of the Republic of Tatarstan. Kazan.
RAS	— Russian Academy of Sciences. Moscow.
RMN	— Réunion des musées nationaux. Paris.
SMOA	— The State Museum of Oriental Art. Moscow.

Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов

(17 июля 1931 — 23 апреля 2000)

Российский историк и археолог, специалист по археологии, истории, нумизматике Золотой Орды и средневековой Восточной Европы, один из основателей и руководитель Поволжской археологической экспедиции. Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, член-корреспондент Германского археологического общества с 1983 года, действительный член РАЕН, лауреат Ломоносовской премии I степени (1998 г.), координатор секции археологии Экспертного совета по истории, археологии, этнографии Российского гуманитарного научного фонда

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

9 789975 319881 >